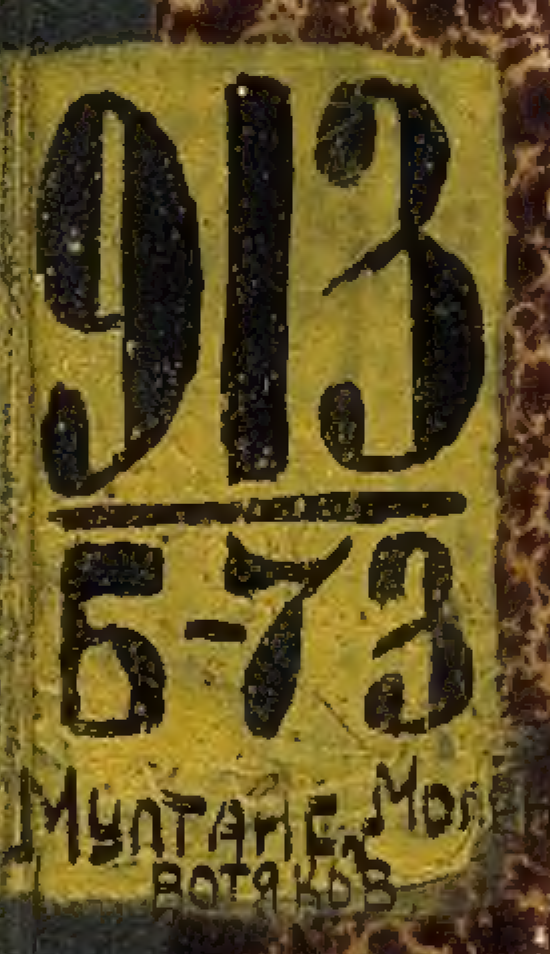

913
Б-73
Мултанс. Мол
вотяков

Вопросы науки, искусства, литературы и жизни

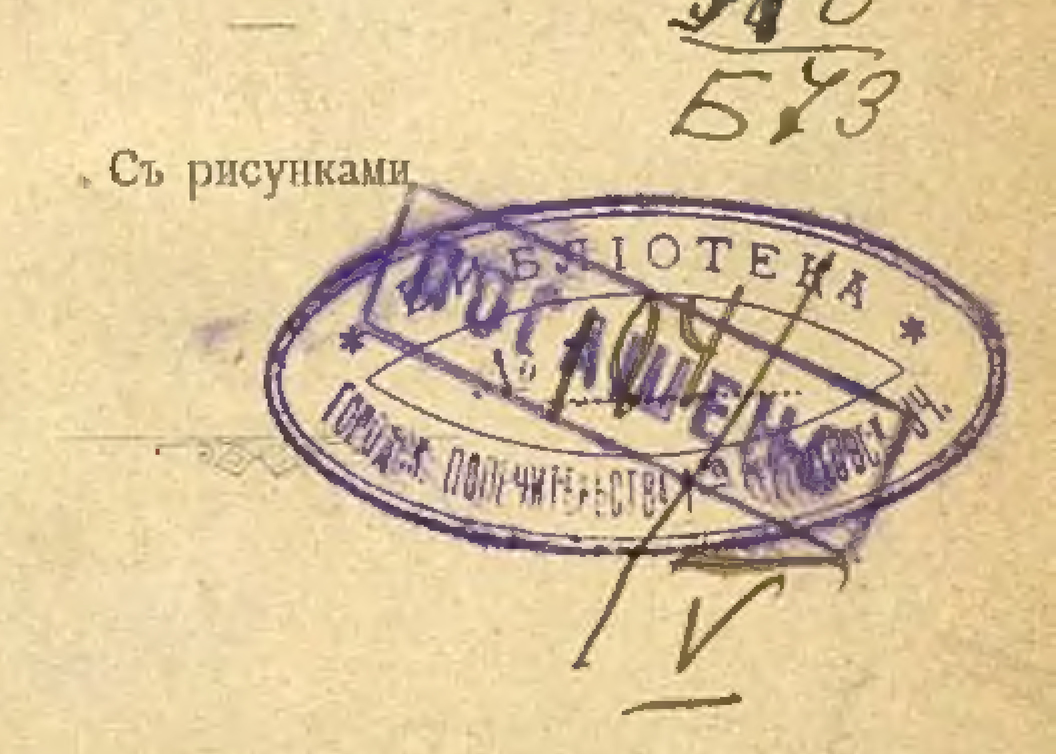
№. 3.

П. БОГАЕВСКIЙ

МУЛТАНСКОЕ МОЛЕНIЕ ВОТЯКОВЪ

въ свѣтѣ этнографическихъ данныхъ

Съ рисунками

МОСКВА—1896

Изданiе книжнаго магазина Гросманъ и Кнебель

(I. Кнебель)

(1076)

Дозволено цензурою. Москва, 10 Марта 1896 года.

Съ набр. В. Г. Короленко.

Болотистая лѣсная тропа, на которой найденъ трупъ нищаго.

Русской читающей публикѣ, конечно, извѣстно загадочное дѣло мултанскихъ вотяковъ, которое, въ скоромъ времени, будетъ въ третій разъ разсматриваться судомъ. Кто изъ лицъ, отзывчивыхъ къ явленіямъ нашей общественной жизни, не читалъ призыва В. Г. Короленко къ всестороннему обсужденію вопроса о томъ, существуютъ ли въ настоящее время человѣческія жертвоприношенія въ населеніи, хотя и инородческомъ, но уже цѣлые вѣка живущемъ бокъ о бокъ съ русскими, одною съ ними земледѣльческою жизнію, наконецъ, испытывающемъ, въ теченіе почти столѣтія, вліяніе христіанства и отчасти школы?

Статья В. Г. Короленко въ Русскомъ Богатствѣ о Мултанскомъ жертвоприношеніи содержитъ въ себѣ такое талантливое освѣщеніе цѣлаго ряда фактовъ и обстоятельствъ въ дѣлѣ вотяковъ, что даже самый предубѣжденный читатель долженъ сильно призадуматься надъ значеніемъ данныхъ обвиненія.

Вѣское слово и убѣдительность доводовъ нашего извѣстнаго писателя заставляютъ г. Дьяконова, выступившаго было съ голословными

нападками на вотяковъ, прервать въ серединѣ свой странный лепетъ и безпомощно умолкнуть.

Въ журналѣ Новое Слово появляется статья г. Тезякова, живущаго среди некрещеныхъ вотяковъ, въ которой онъ рѣшительно высказывается противъ существованія въ настоящее время человѣческихъ жертвоприношеній у вотяковъ.

Такимъ же образомъ высказываются авторы статей въ „Вятскихъ Губ. Вѣд.", одинъ изъ которыхъ, называемый редакціей „извѣстнымъ знатокомъ вотскихъ обычаевъ", обнаруживаетъ близкое знакомство съ бытомъ вотяковъ.

Въ Томскомъ обществѣ естествоиспытателей и врачей С. К. Кузнецовъ, уроженецъ мѣстности, находящейся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ с. Мултана, авторъ цѣнныхъ статей по этнографіи вотяковъ, много разъ лично присутствовавшій на ихъ моленіяхъ, бывшій секретарь Казанскаго Общества Исторіи, Археологіи и Этнографіи, выступилъ съ докладомъ, въ которомъ категорично высказывается за невозможность признать въ настоящее время существованіе человѣческихъ жертвоприношеній у вотяковъ и приходитъ по нѣкоторымъ вопросамъ къ тѣмъ же выводамъ, къ которымъ пришли и мы при разборѣ въ „Русск. Вѣд." экспертизы проф. Смирнова.

Мултанское дѣло, какъ извѣстно, вызвало судебную экспертизу, которую давали при его вторичномъ разсмотрѣніи въ Елабугѣ проф. Смирновъ, авторъ капитальной монографіи о вотякахъ, и г. Г. Верещагинъ, собиратель весьма цѣнныхъ матеріаловъ по этнографіи вотяковъ, изслѣдователь, постоянно живущій среди этого народа. Послѣдній утверждаетъ, что вотяки не знаютъ въ настоящее время человѣческихъ жертвоприношеній. Проф. Смирновъ, признавая, что въ дѣлѣ мултанцевъ для него почти все неясно, противорѣчиво и несогласно съ имѣющимися въ литературѣ данными, держится противоположнаго мнѣнія. Однако объясненія проф. Смирнова не удовлетворили ни обвиненіе, ни защиту и вызвали рядъ возраженій въ печати.

„Пусть юристы оцѣнятъ вѣроятность уликъ, пусть врачи и этнографы разберутъ изумительную экспертизу, послужившую къ обвиненію вотяковъ“... „Свѣта, возможно болѣе свѣта въ это темное дѣло“,—таковъ призывъ Вл. Короленко, чье участіе къ дѣлу Мултанцевъ составитъ одну изъ почетныхъ страницъ въ исторіи русской публицистики.

Отзываясь на этотъ призывъ, мы рѣшаемся, посильнымъ образомъ, содѣйствовать уясненію дѣла Мултанцевъ, разсматривая его въ свѣтѣ данныхъ этнографіи вотяковъ, изученіемъ которой мы занимались, какъ путемъ

личныхъ наблюденій, такъ и провѣркою ихъ литературными свѣдѣніями *).

Считаемъ для себя весьма пріятною обязанностью принести глубокую благодарность В. Г. Короленко за позволеніе воспользоваться въ настоящемъ изданіи рисунками шалаша Моисея Дмитріева и тропы, гдѣ найденъ трупъ нищаго, сдѣланными имъ при посѣщеніи осенью прошлаго года села Мултанъ.

---

*) Въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ 1887 и 1888 гг. авторъ былъ командированъ Императорскимъ Общ. Люб. Ест., Антр. и Этн. въ Вятскую губернію для изученія быта мѣстнаго населенія. Личныя наблюденія, провѣренныя данными этнографической литературы, послужили матеріаломъ для изслѣдованія о религіозныхъ вѣрованіяхъ вотяковъ (въ 1, 2 и 4 №№ Этн. Об. 1890 г.). Результаты поѣздки въ 1887 г. изложены въ Сборникѣ матеріаловъ по этнографіи, изд. подъ ред. проф. Миллера, и въ Сборникѣ свѣдѣній о крестьянскомъ населеніи Россіи, изд. по ред. Н. Харузина. Въ Этн. Об. 1893 г. напечатаны записанныя въ теченіе 1888 г. произведенія духовнаго творчества вотяковъ.

I.

Существованіе въ прежнее время человѣческихъ жертвоприношеній у цѣлаго ряда народностей и племенъ, сохранившихъ въ настоящемъ лишь смутное воспоминаніе объ этой суровой эпохѣ въ развитіи своихъ религіозныхъ представленій, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Но уже самый фактъ воспоминанія о той или иной сторонѣ быта лишь въ, такъ называемыхъ, переживаніяхъ, въ мало понятныхъ современному человѣку обрядахъ и повѣрьяхъ, въ сказкахъ и преданіяхъ, гдѣ народная фантазія разсматриваетъ данное событіе, какъ нѣчто ужасное, противорѣчащее настоящимъ условіямъ жизни, свидѣтельствуетъ объ исчезновеніи изъ народнаго міровоззрѣнія яснаго представленія о живомъ явленіи, дѣйствительномъ лишь въ былое стародавнее время.

Наличность „переживаній" извѣстнаго обычая, наблюдаемая, болѣе или менѣе часто, въ разнообразныхъ проявленіяхъ народной жизни, служитъ лучшимъ указаніемъ на то, что самый обычай исчезъ изъ жизни и что допуще-

ніе его существованія должно считаться невозможнымъ анахронизмомъ.

Сказанное примѣнимо, въ частности, къ вотякамъ, народности пермской группы финскаго племени, издавна живущимъ, большею своею массою (около 350 т. чел.), въ юго-восточной части Вятской губерніи.

Съ 40-хъ годовъ прошлаго столѣтія миссіонерская дѣятельность православнаго духовенства среди вотяковъ принимаетъ, болѣе или менѣе, обширные размѣры, и въ настоящее время лишь самая незначительная часть этой народности продолжаетъ оффиціально числиться въ язычествѣ.

Извѣстно, впрочемъ, что вотяки, не смотря на принятіе христіанства, сохранили въ своемъ религіозномъ міровоззрѣніи многія языческія представленія, которыя, будучи выработаны втеченіе вѣковъ, являются для нихъ священнымъ наслѣдствомъ сѣдой старины.

Въ этомъ отношеніи вотяки не представляютъ исключенія изъ числа громаднаго большинства инородцевъ Россіи и, подобно всѣмъ остальнымъ финскимъ и тюркскимъ племенамъ, принявшимъ крещеніе, остаются во многомъ, въ своей обыденной жизни, вѣрными завѣтамъ предковъ. Мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло съ явленіемъ общимъ для всѣхъ народовъ, перешедшихъ изъ язычества въ христіанство. Явленіе это одинаково наблюдается и у сла-

вянъ, и у германцевъ, и у финновъ, причемъ, конечно, большая отдаленность отъ времени язычества, высшая степень культуры и цивилизацiи сглаживаютъ грубыя, матерiальныя представленiя язычества, выдвигая на первый планъ идеальныя стороны христiанства.

Понятно, что если русскiй крестьянинъ, не смотря на тысячелѣтнее христiанское воспитанiе, до настоящаго времени не изгналъ вполнѣ наслѣдiя своихъ языческихъ предковъ изъ своего религiознаго мiровоззрѣнiя, то вотякъ, или всякiй другой инородецъ, находящiйся въ сферѣ влiянiя христiанства лишь около ста лѣтъ, не можетъ избавиться вполнѣ отъ языческихъ представленiй, такъ еще недавно всецѣло царившихъ надъ нимъ.

Но, рядомъ съ нѣкоторымъ влiянiемъ христiанства, на вотякахъ не могло не отразиться и влiянiе русской культуры. И оно велико.

„Русскiе элементы всюду проникаютъ въ вотскiй бытъ, пишетъ пр. Смирновъ, большiя дороги, прорѣзывающiя край, служатъ главными путями руссификацiи: близъ лежащiя деревни забрасываютъ понемногу собственный костюмъ и обычаи. Въ 20 верстахъ, напримѣръ, отъ Малмыжско-Глазовскаго тракта, въ селѣ Мултанъ, состоятельныя вотячки одѣваются уже въ русскiя платья "*).

---

*). И. Н. Смирновъ. Вотяки, стр. 71. Весьма инте-

Должно, впрочемъ, замѣтить, что наблюдаемыя въ нѣкоторыхъ обрядахъ, сказкахъ и пѣсняхъ вотяковъ „переживанія" человѣческихъ жертвоприношеній говорятъ за то, что вотяки въ своемъ языческомъ міровоззрѣніи уже давно забыли о необходимости этихъ страшныхъ формъ умилостивленія боговъ и оставили ихъ, еще въ языческомъ періодѣ, совершенно независимо отъ вышеуказанныхъ вліяній.

По крайней мѣрѣ, намъ извѣстны случаи, когда современные вотяки не понимаютъ значенія тѣхъ изъ совершаемыхъ ими обрядовъ, которые, будучи изучаемы въ свѣтѣ данныхъ науки, должны быть признаны „переживаніями" человѣческихъ жертвоприношеній. Необходимо, конечно, довольно продолжительное время, чтобы развился въ народѣ обрядъ, обычай, повѣрье, внутренняя сущность которыхъ ему сдѣлалась непонятной, и, само собою разумѣется, что тотъ срокъ *), втеченіе котораго

ресны эти слова проф. Смирнова, автора этнографической экспертизы по дѣлу Мултанскихъ вотяковъ. Въ мѣстности, подвергшейся столь сильному русскому вліянію (у вотяковъ, какъ и у всѣхъ малокультурныхъ народностей, женщины наиболѣе консервативны), онъ не задумывается признать существованіе человѣческихъ жертвоприношеній.

*) Строго говоря, миссіонерская дѣятельность среди вотяковъ на вполнѣ правильную почву была поставлена

раздается среди вотяковъ христіанская проповѣдь, для этого слишкомъ коротокъ. На этомъ основаніи мы предполагаемъ, что исчезновеніе человѣческихъ жертвоприношеній предшествуетъ знакомству вотяковъ съ христіанствомъ *).

Предположеніе это подтверждается, отчасти, выводомъ изъ доклада П. Н. Луппова, который былъ сдѣланъ имъ въ отдѣленіи этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. На основаніи тщательно разсмотрѣнныхъ и провѣренныхъ 49 дѣлъ XVIII в. относительно вотяковъ, хранящихся въ Св. Синодѣ, и 292 дѣлъ, хранящихся въ вятской духовной консисторіи, а также на основаніи описи 331 дѣла XVIII в. той же консисторіи и описи дѣлъ и документовъ архива елабужскаго духовнаго правленія за XVIII в., было установлено, что многочисленныя жертвенныя моленія вотяковъ сопровождались только умерщвленіемъ лошадей, барановъ, гу-

лишь въ 30-хъ годахъ настоящаго столѣтія, когда при вятской духовной семинаріи рѣшено было открыть классъ вотяцкаго языка для подготовленія миссіонеровъ. Но и съ этого времени дѣятельность послѣднихъ шла туго (см. Смирновъ, стр. 68).

*) Весьма важенъ тотъ фактъ, что у современныхъ вотяковъ-язычниковъ категорически отрицается существованіе человѣческихъ жертвоприношеній (см. Тезяковъ. Праздники и жертв. вотяковъ-язычниковъ. „Новое слово". 189⁵/₆, № 4).

сей и утокъ, о человѣческихъ же жертвоприношеніяхъ не было даже намека.

Для освѣщенія сказаннаго фактическими данными, остановимся на слѣдующихъ примѣрахъ.

Въ концѣ декабря вотяками нѣкоторыхъ мѣстностей совершается т. н. обрядъ „пель сіон'а" (ядѣніе ушей). Дѣти, набравъ говядины и другихъ припасовъ, складываютъ все это въ корытообразные съ полозьями лубки, приглашаютъ какого нибудь старика изъ деревни и, предводительствуемыя имъ, отправляются въ ближайшій лѣсъ, гдѣ угощаютъ своего начальника захваченною пищею, а этотъ послѣдній принимаетъ угощеніе, бормоча, обратившись лицомъ къ ели, различныя молитвенныя слова, „какъ бы изображая изъ себя жреца". Затѣмъ начинается общая пирушка, по окончаніи которой вещи складываются на одинъ изъ лубковъ, а на другой лубокъ ложится старикъ. Дѣти, съ шумомъ и крикомъ, везутъ оба лубка и, возвратившись въ деревню, принимаются изгонять, махая палками, духовъ болѣзней и зла.

„Кур вил виро" (кровавая жертва на лубкѣ), говорятъ вотяки, обозначая этими словами нѣкоторыя изъ современныхъ жертвоприношеній своимъ умершимъ родственникамъ, и выраженіе это совершенно непонятно вотяку. Авторъ настоящей статьи неоднократно въ разныхъ деревняхъ добивался у вотяковъ объ-

ясненія этого выраженія, и всякій разъ послѣдніе отзывались его непониманіемъ. Но если обратить вниманіе на то обстоятельство, что у вотяковъ существуетъ обычай омовенія своихъ покойниковъ именно на лубкахъ, то становится возможнымъ установить связь между этимъ выраженіемъ и совершавшимися въ древности человѣческими жертвоприношеніями, отдаленнымъ отзвукомъ которыхъ и являются слова: „кровавая жертва на лубкахъ".

Равнымъ образомъ, обычай омовенія покойниковъ на лубкахъ проливаетъ свѣтъ на вышеуказанный обрядъ пель сіон'а, который, съ большимъ основаніемъ, можно считать „переживаніемъ" извѣстнаго почти всѣмъ народамъ убійства стариковъ*).

Нелишне отмѣтить слѣдующее повѣрье, какъ „переживаніе" человѣческаго жертвоприношенія, внутренній смыслъ котораго непонятенъ современному вотяку. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, у вотяковъ существуетъ убѣжденіе, что смерть старѣйшаго въ семьѣ гарантируетъ

---

*) Ярко освѣщается обрядъ пель сіон'а слѣдующимъ преданіемъ, записаннымъ въ 40-хъ годахъ настоящаго столѣтія г-жею Фуксъ. Вотяки говорятъ, пишетъ она, будто въ старые годы, т. е. еще до покоренія ихъ, совершались осеннія поминки ужаснымъ образомъ. Поминки были всегда въ одной избѣ у самаго старшаго и добрѣйшаго старика въ деревнѣ, и, по окончаніи ихъ, старикъ добровольно отдавалъ себя на жертву...

при переходѣ на житье въ новый домъ благоденствіе данной семьи.

Принесеніе въ жертву различнымъ духамъ, въ настоящее время, лишь куколъ, изображающихъ человѣческія фигуры, подвѣшиваніе этихъ фигуръ на деревьяхъ въ священныхъ мѣстахъ является также несомнѣннымъ „переживаніемъ“ человѣческихъ жертвоприношеній. Полезно замѣтить, что, въ данномъ случаѣ, мы имѣемъ дѣло съ общимъ для всѣхъ народовъ явленіемъ.

Итакъ, тамъ, гдѣ вымеръ обычай человѣческихъ жертвоприношеній, онъ отразился въ народной памяти въ указанныхъ обрядахъ. Понятно, что внѣшняя форма обычая приносить въ жертву куклы, напоминающія человѣческія фигуры, настолько осязательна, что, порою, даетъ возможность видѣть и современному вотяку происхожденіе даннаго „переживанія“. Уржумскіе вотяки, напримѣръ, прямо говорятъ изслѣдователямъ ихъ быта, что п р е ж д е они приносили въ жертву людей, но затѣмъ, неизвѣстно когда, обычай этотъ былъ оставленъ и замѣненъ обыкновеніемъ бросать на перекресткѣ трехъ дорогъ деревянную куклу.

Такимъ образомъ, наличность „переживаній“ человѣческихъ жертвоприношеній у вотяковъ служитъ основаніемъ къ утвержденію исчезновенія самаго содержанія этого обычая преж-

нихъ вѣковъ. Нѣкоторое, но лишь кажущееся, противорѣчіе съ даннымъ положеніемъ представляетъ утвержденіе изслѣдователями вотяцкаго быта того факта, что божества вотяковъ до сихъ поръ еще слишкомъ проникнуты антропоморфнымъ характеромъ, который рисуется въ воображеніи первобытнаго человѣка. Вліяніе христіанской проповѣди и школы необходимо должно было внести за собою духовную струю въ религіозныя представленія современнаго вотяка *), видоизмѣненіе каковыхъ могло начаться и до оффиціальнаго принятія христіанства.

Сосѣдство вотяковъ съ другими народностями, вполнѣ правильная эволюція ихъ религіозныхъ вѣрованій могли постепенно переработывать антропоморфныя представленія о божествѣ. Во всякомъ случаѣ, въ современныхъ религіозныхъ вѣрованіяхъ вотяка ясно намѣчается одухотвореніе весьма многихъ представленій. Проф. Смирновъ совершенно справедливо указываетъ на то, что „боги въ сознаніи народа уже нѣсколько отдѣлились отъ людей“ и на то, что есть основаніе конста-

---

*) Мы не стремимся преувеличивать значеніе двухъ названныхъ факторовъ уже въ силу ихъ кратковременнаго дѣйствія, на что указывалось выше. Но оттѣняемъ, что нѣкоторое вліяніе ихъ, хотя бы и незначительное, на первобытныя представленія несомнѣнно.

тировать „переходъ къ спиритуалистическимъ воззрѣніямъ на божество".

При такомъ, сравнительно съ прежнимъ временемъ, болѣе духовномъ взглядѣ на свое божество вотякъ вполнѣ логиченъ, когда, полагая, что божество это нуждается въ жертвѣ, не приноситъ ему человѣка, а предоставляетъ въ его распоряженіе куклу, либо другой предметъ, либо, наконецъ, выпускаетъ изъ своего мизинца нѣсколько капель крови для полученія, напримѣръ, клада, которымъ можно овладѣть, лишь принеся въ жертву человѣка. Повѣрья о подобныхъ кладахъ существуютъ у весьма многихъ народностей.

Именно подобное смягченіе грубыхъ представленій о божествѣ объясняетъ, напримѣръ, приводимый г. Островскимъ разсказъ о малмыжскихъ вотякахъ. Эти послѣдніе признали гнѣвъ своего грознаго бога Кереметя слѣдствіемъ скуки отъ отсутствія жены. Жену, необходимую Кереметю, малмыжскіе вотяки рѣшаютъ добыть не принесеніемъ въ жертву какой-нибудь вотячки, черемиски, татарки или русской, а совершаютъ лишь символическій обрядъ вырѣзанія дерна изъ святилища другого божества, который и везутъ свадебнымъ поѣздомъ въ рощу своего грознаго гонителя.

Признаніе человѣческихъ жертвоприношеній у вотяковъ, какъ, впрочемъ, и у всѣхъ другихъ народностей, не исключая и славянъ,

лишь въ прошломъ, лишь въ отдаленное отъ насъ время, находитъ себѣ основаніе и въ данныхъ эпоса всѣхъ этихъ племенъ. Эпоха суровыхъ языческихъ представленій отразилась въ народномъ воспоминаніи именно въ томъ отношеніи, что на древнія божества переносится иногда обстановка, не свойственная современнымъ жизненнымъ условіямъ. Весьма наглядно подтверждается это положеніе черемиской сказкой о злой мачехѣ, на которую ссылался проф. Смирновъ въ своей этнографической экспертизѣ. Въ этой сказкѣ говорится о томъ, какъ одинъ черемисъ, по настоянію колдуньи, убиваетъ сына (вѣроятно, въ жертву какому нибудь божеству). „Правда, бѣдный черемисъ, пишетъ В. Г. Короленко, повѣрилъ и убилъ сына. Но народъ, создавшій эту сказку, уже явно не вѣритъ умилостивительной силѣ человѣческой жертвы. Развѣ тотъ, кто додумался до этой сказки, не говоритъ такъ ясно глупому человѣку: тебя обманули. Ты думаешь, что крови сына требуетъ божество, а, между тѣмъ, тебѣ глупому, говорила это злая и хитрая женщина“

Несомнѣнно, что лица, разсматривающія данныя эпоса, какъ одно изъ основаній къ констатированію именно у вотяковъ человѣческихъ жертвоприношеній, должны, прежде всего, доказать чисто вотяцкое происхожденіе того произведенія народнаго творчества, на кото-

ромъ они основываютъ свои утвержденія. Въ противномъ случаѣ, всѣ выводы изъ матеріала, который служитъ для нихъ основаніемъ изслѣдованія, необходимо должны быть отнесены и ко всѣмъ тѣмъ народамъ, у которыхъ можно признать наличность того же матеріала.

Почему, напримѣръ, г. Поплавскій *) ни одиимъ словомъ не указываетъ, что сказка о „Безстрашномъ мужикѣ и одноглазомъ людоѣдѣ", на которой онъ останавливается, развиваетъ, съ поразительно сходными чертами, сюжетъ, распространенный отъ ясныхъ водъ омывающихъ берега Греціи и Малой Азіи и до суровыхъ болотъ и лѣсовъ Вятской губ? Отчего онъ не скажетъ, что сказка эта за много вѣковъ до Р. Хр. передавалась изъ поколѣнія въ поколѣніе у Грековъ; отчего онъ не скажетъ, что до сихъ поръ еще мы читаемъ ее въ чудныхъ стихахъ Гомера? Неужели, г. Поплавскій не говоритъ обо всемъ этомъ потому, что тогда ему пришлось бы признать авторами сказки не только вотяковъ, а и цѣлый рядъ другихъ народовъ, начиная съ древнихъ Грековъ, и признать, будучи послѣдовательнымъ, что всѣ эти народы, пока помнятъ сказку объ одноглазомъ людоѣдѣ, до тѣхъ поръ и рѣжутъ своимъ богамъ въ жертву людей **).

*) Вотяцкіе боги и жертвы имъ приносимыя. С. Пет. Вѣд. 1896. № 48.

**) Но, можетъ быть, г. Поплавскій и не пускается въ

Во всякомъ случаѣ трудно найти народъ, который не зналъ бы людоѣдовъ, злыхъ мачехъ, колдуний, своего рода бабы яги... Трудно также найти ученое сочиненіе, въ ко-

---

сравнительное изслѣдованіе приводимыхъ имъ данныхъ эпоса, потому что онъ слишкомъ далекъ отъ науки, а методы и пріемы послѣдней ему совершенно чужды. Послѣднее предположеніе подтверждается разсказываемой имъ сказкой: „Охотникъ у увира и воскрешеніе мертвыхъ“, которая не имѣетъ никакого отношенія къ переживанію человѣческихъ жертвоприношеній. Замѣтимъ, что увиръ, по представленію вотяковъ, какъ и другихъ народностей, не божество, а умершій колдунъ, отъ злобности и кровожадности котораго спасаетъ усердная молитва къ Богу. Самое названіе „увиръ“ не принадлежитъ вотякамъ, и чудовище это извѣстно цѣлому ряду народностей, въ томъ числѣ и славянскимъ. Вѣроятно, авторъ цитируемой статьи знаетъ стихотвореніе Пушкина: „Трусоватъ былъ Ваня бѣдный“... „думаетъ бѣднякъ, это вѣрно кости гложетъ красногубый вурдалакъ“... „Горе! малый я не сильный, съѣстъ упырь меня совсѣмъ, если самъ земли могильной я съ молитвою не съѣмъ“. Неужели Пушкинъ обращался къ вотяцкому словарю для отысканія слова упырь (увиръ)? Впрочемъ, г. Поплавскій не останавливается долго на данныхъ эпоса и предпочитаетъ обратиться къ свѣдѣніямъ, добытымъ „путемъ столкновеній съ вотяками, вызваннымъ служебною дѣятельностью“, а также къ тѣмъ темнымъ, неизвѣстно отъ кого и неизвѣстно откуда идущимъ слухамъ, распространеннымъ среди русскаго населенія Вятской губ., которое и само не прочь въ годину болѣзней опахать на бабахъ и дѣвкахъ родное село („съѣсть съ молитвою земли могильной“).

торомъ бы отъ существованія въ народной фантазіи всей этой „нечести“ заключалось къ существованію въ настоящее время человѣческихъ жертвоприношеній... Ученый слышитъ въ произведеніяхъ народнаго творчества лишь эхо стародавнихъ временъ. Отношеніе новыхъ условій жизни къ прежнему быту, отразившемуся въ данныхъ эпоса, прекрасно характеризуетъ проф. Смирновъ, говоря, что „на почвѣ борьбы между старыми матеріалистическими воззрѣніями на духовъ и зарождавшимися спиритуалистическими воззрѣніями, между стремленіемъ угодить Богу и удовлетворить собственныя потребности сложились компромиссы между старыми и новыми идеями и эти компромиссы стоятъ въ противорѣчіи съ образами, которые сохранила отъ предшествующей эпохи поэзія“. Нѣсколько далѣе тотъ же авторъ прекрасно иллюстрируетъ это положеніе слѣдующими словами, непосредственно касающимися разсматриваемаго нами вопроса: „альтруистическія чувства наростали у нихъ (вотяковъ) постепенно: сначала они сами отказались отъ употребленія человѣчины въ пищу, но продолжали угощать ею боговъ (при чемъ жертвой являлся старикъ или человѣкъ чужого племени), затѣмъ и богамъ стали приносить въ жертву одни человѣческіе волосы въ предположеніи, что богъ, если захочетъ, возьметъ ужъ самъ остальное“.

Нельзя не пожалѣть, что почтенный авторъ прекрасной книги о вотякахъ И. Н. Смирновъ не положилъ въ основаніе своей экспертизы этихъ высказанныхъ имъ мыслей и счелъ нужнымъ встать на совершенно другую почву, гдѣ разсмотрѣніе черемисской сказки (черемисы даже далеко не близкіе родственники вотяковъ) занимаетъ такое видное мѣсто. Мы отказываемся понять, почему г. Смирновъ въ своей экспертизѣ ни однимъ словомъ не затронулъ приведенныхъ положеній, принадлежащихъ ему.

Итакъ, по нашему мнѣнію, приведенныя данныя вполнѣ доказываютъ, что, существовавшій въ древности обычай человѣческихъ жертвоприношеній, сказывается въ настоящее время лишь въ „переживаніяхъ" одной формы безъ дѣйствительнаго содержанія, формы, иногда не понимаемой вотяками, иногда служащей имъ средствомъ для удовлетворенія ихъ современныхъ, значительно смягченныхъ, религіозныхъ обязанностей.

Но, рядомъ съ этимъ, въ этнографической литературѣ есть указаніе на циркулирующіе въ губерніяхъ, населенныхъ вотяками, слухи о томъ, что разсматриваемый нами обычай не исчезъ до настоящаго времени и господствуетъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ во всей своей суровой формѣ.

Съ содержаніемъ означенныхъ данныхъ мож-

но познакомиться въ изслѣдованіи проф. Смирнова, каковое дополняется матеріаломъ, добытымъ г. Вихманомъ и г. Магницкимъ, и равнымъ образомъ, слѣдствіемъ по дѣлу о мултанскихъ вотякахъ, поскольку, въ послѣднемъ случаѣ, имѣющійся матеріалъ не касается непосредственно преступленія, вмѣняемаго вотякамъ с. Мултана, а лишь свидѣтельствуетъ о слухахъ по поводу существованія въ настоящее время человѣческихъ жертвоприношеній.

Указанныя данныя могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи, изъ которыхъ къ первой относятся свѣдѣнія, разсматривающія вопросъ на основаніи слуховъ, не пріуроченныхъ къ опредѣленнымъ фактамъ или лицамъ, ко второй категоріи относятся свѣдѣнія, сообщающія болѣе опредѣленныя данныя.

Оцѣнка всѣмъ этимъ фактамъ сдѣлана этнографами, держащимися совершенно противоположныхъ взлядовъ на вопросъ о существованіи въ настоящее время человѣческихъ жертвоприношеній, и въ обоихъ случаяхъ оцѣнка эта одинакова.

Проф. Смирновъ, настаивающій на признаніи современнаго существованія означенныхъ жертвоприношеній, указывалъ на то, что данныя литературы могутъ возбудить сомнѣніе, такъ какъ указанія ея крайне неточны.

С. К. Кузнецовъ, бывшій секретарь Казанскаго Общества Исторіи, Археологіи и Этно-

графіи, наблюдавшій моленія у вотяковъ и черемисъ около 40 разъ, самымъ положительнымъ образомъ высказывается противъ какого бы то ни было значенія слуховъ по разсматриваемому вопросу, зарегистрированныхъ этнографическою литературой.

Весьма важно констатировать въ этомъ отношеніи тотъ фактъ, что сенатъ кассировалъ первый приговоръ суда надъ мултанцами, между прочимъ, потому, что „не доказано самое существованіе среди вотяковъ человѣческихъ жертвоприношеній".

Такое отношеніе къ извѣстнымъ въ литературѣ даннымъ двухъ авторитетныхъ писателей-этнографовъ, высказывающихъ по данному дѣлу противоположные взгляды, даетъ намъ возможность не излагать читателю всѣхъ, не особенно, впрочемъ, многочисленныхъ, слуховъ по поводу разсматриваемаго вопроса, занесенныхъ этнографическою литературою на свои страницы.

Ограничимся лишь указаніемъ на то, что всѣ означенныя свѣдѣнія находятся въ противорѣчіи другъ съ другомъ. Въ то время, какъ въ одномъ изъ этихъ свѣдѣній указывается на то, что человѣческая жертва убивается скопомъ, съ предварительнымъ замучиваніемъ, другое свѣдѣніе трактуетъ объ обыкновенномъ типѣ вотяцкихъ жертвоприношеній; есть указаніе на то, что шаманъ намѣчаетъ опредѣленнаго

человѣка и этотъ послѣдній, во что бы то ни стало, будетъ убитъ; этому указанію противорѣчитъ разсказъ о киданіи жребія для опредѣленія жертвы; далѣе, есть свѣдѣніе, изъ котораго можно заключить, что жертвою является первый попавшійся человѣкъ. Одни говорятъ, что жертва приносится черезъ 40 лѣтъ, другіе указываютъ на тридцатилѣтній промежутокъ времени, есть также указаніе на трехлѣтній промежутокъ времени. По словамъ одного автора слуха, жертва непремѣнно должна быть погребена по христіанскому обряду, другой авторъ указываетъ на то, что кости жертвы зарываются гдѣ-то въ глубокой пропасти. Одни говорятъ, что въ жертву можетъ быть принесенъ лишь человѣкъ „чужого племени", для другихъ совершенно безразличны національность и племя. Одни указываютъ, что необходима кровь человѣка, другіе дополняютъ это требованіемъ внутренностей, головы, есть также слухъ, что достаточно простого убійства безъ какого бы то ни было добыванія крови, отдѣленія частей тѣла и т. п.

Фантазія одного изъ авторовъ слуха доходитъ до того, что онъ провозглашаетъ себя спасшейся жертвой и показываетъ своимъ слушателямъ вырѣзанные на груди и спинѣ кресты, откуда вотяками была извлекаема въ чашки кровь. Воображеніе другого разска-

шика рисуетъ еще болѣе оригинальную картину: черепъ убитой человѣческой жертвы обдѣлывается и служитъ чашею, изъ которой вотяки пьютъ кумышку. Вымыселъ очевидный, такъ какъ и изъ череповъ животныхъ не выдѣлывается подобныхъ чашъ, тогда какъ аналогія между принесеніемъ въ жертву животнаго и человѣка должна бы быть необходимо признана.

Кто же авторы всѣхъ этихъ слуховъ? Имена и профессіи ихъ не всегда установлены точно, но иногда упоминаются. Въ числѣ послѣднихъ мы видимъ, напримѣръ, нищаго, неизвѣстно откуда пришедшаго, придурковатаго вотяка, вотяка, не принятого въ общество однодеревенцевъ послѣ отбытія наказанія, арестанта, приговореннаго къ каторжнымъ работамъ, урядника, который именемъ нарицательнаго слова, обозначающаго „жертвоприношеніе", опредѣляетъ божество, которому принесена жертва, и обнаруживаетъ изумительныя этнографическія познанія.

Иногда авторы слуховъ довольно неопредѣленно говорятъ, что они могутъ даже указать на людей спасшихся бѣгствомъ отъ вотяковъ, желавшихъ принести ихъ въ жертву. Но въ то же время есть и слѣдующій фактъ: одинъ черемисинъ разсказывалъ, что жители сосѣдней деревни собирались принести его въ жертву, но онъ спасся бѣгствомъ. Когда, по просьбѣ изслѣдователя,

сообщающаго это обстоятельство, однимъ изъ мѣстныхъ жителей были разспрошены вотяки инкриминируемой деревни относительно даннаго факта, то выяснилось, что случай съ черемисиномъ была шутка, которую тотъ принялъ за правду, выхватилъ ножъ и убѣжалъ.

Вѣроятность этой шутки объясняется слѣдующимъ случаемъ, извѣстнымъ изъ дѣла о мултанскихъ вотякахъ. Крестьянинъ Дербышевъ, старикъ 58 лѣтъ, показывалъ слѣдующее: „со мною никогда не было такого случая, чтобы вотяки меня собирались „замолить". Я ходилъ къ нимъ на моленія и надо мною шутили: „когда нибудь тебя „замолятъ" вотяки". Отсюда и пошелъ слухъ, но это неправда" *).

Въ началѣ настоящаго года въ Елабужскомъ

*) Громадную роль въ распространеніи басенъ о вотскомъ каннибализмѣ, играетъ, по мнѣнію г. Кузнецова, та непростительная легкость, съ которой часто относятся къ своимъ обязанностямъ гг. корреспонденты газетъ. Въ 1885 году въ редакцію „Волжскаго Вѣстн." была прислана сенсаціозная корреспонденція о свящ. Б., избавленномъ будто бы отъ вѣрной участи умереть подъ ножами вотяковъ, въ качествѣ жертвы языческимъ богамъ. Вскорѣ г. Кузнецовъ получилъ изъ села, гдѣ въ земской больницѣ лѣчился израненный Б., телеграфное извѣстіе отъ врача, „что Б. живъ, не раненъ и лечится у него отъ delirium tremens и приносимъ въ жертву вотяками не былъ. Весьма характерно, что недавно въ южныхъ газетахъ вновь разсказывается этотъ случай принесенія въ жертву

уѣздѣ вотяки дер. Поякино поймали татарина, оскорбившаго ихъ, и побили его. Татарина этого сельское начальство нашло нужнымъ отправить въ можгинскую больницу, откуда онъ черезъ нѣсколько дней вышелъ совершенно здоровымъ *).

священника, разсказывается безъ указанія на то, что данный фактъ опровергнутъ, но за то добавляется свѣдѣніемъ о нѣсколькихъ убитыхъ и раненыхъ вотякахъ.

*) Въ больницѣ Сайфуллинъ, избитый вотяками, послѣ того какъ у него побывалъ его товарищъ Шарыповъ, сдѣлалъ заявленіе о томъ, что вотяки хотѣли принести его въ жертву. Онъ утверждаетъ, что его тыкали ножами, чтобы добыть кровь, необходимую, вѣроятно, какъ гласитъ ученіе обвинителя мултанцевъ, „для принятія ея внутрь". Но колотыхъ ранъ на тѣлѣ Сайфуллина не оказалось ни одной, а лишь были небольшія ссадины, полученныя имъ во время драки. Избитъ онъ былъ за то, что, пока Шарыповъ, пославшій по начальству телеграмму о преступленіи вотяковъ, ухаживалъ за женою одного изъ нихъ, съ которою тогда же онъ былъ найденъ in flagrante delicto, онъ С. „точилъ балясы" съ хозяиномъ и отвлекалъ вниманіе отъ Шарыпова. Сайфуллинъ, очевидно, старается выгородить изъ дѣла Шарыпова, человѣка богатаго, когда оно уже получило огласку, и потому сочинилъ цѣлую исторію о томъ, что его хотѣли принести въ жертву, но онъ случайно спасся. Итакъ, здѣсь не можетъ быть рѣчи о какомъ-то принесеніи Сайфуллина въ жертву. Но, тѣмъ не менѣе, создалось цѣлое дѣло и слухи о quasi преступленіи вотяковъ держатся упорно среди татарскаго населенія. Нижегородскій Листокъ, 1896 г. № 53.

Въ другомъ мѣстѣ пропалъ мальчикъ и поселяне начали уже волноваться, но, къ счастью, онъ оказался живъ и здоровъ.

Совершенно справедливо В. Г. Короленко видитъ главную причину враждебнаго отношенія русскаго населенія къ вотяцкимъ обычаямъ въ тѣхъ преслѣдованияхъ, которымъ подвергались наши инородцы до указа Императора Николая I въ 1827 г. „Самые невинные обряды, благодаря преслѣдованіямъ, совершались въ глухихъ мѣстахъ, вызывая тѣмъ сильныя подозрѣнія. Теперь вотяки совершаютъ свои моленія открыто, но русское населеніе продолжаетъ думать. что втайнѣ совершаются ужасныя дѣла“. Какъ бы въ подтвержденіе этого предположенія нашего извѣстнаго писателя, въ одной изъ столичныхъ газетъ появилась статья о вотяцкихъ жертвоприношеніяхъ, гдѣ читаемъ слѣдующее: „Если мы знаемъ божество съ таинственнымъ культомъ, то можемъ ли отрицать, что это не есть культъ каннибальскій, требующій человѣческой жертвы, или, по крайней мѣрѣ, человѣческой крови? Если лошади. быки рѣжутся открыто въ жертву богамъ, то безъ сомнѣнія таинственно рѣжется что нибудь болѣе серіозное, что же это можетъ быть, какъ не человѣческая жертва“? Если мы читаемъ такія поразительныя умозаключенія въ столичной газетѣ, чего же должны мы ожидать отъ тем-

наго люда, населяющаго русскія деревни Вятскаго края, и неудивительно послѣ этого, что басни о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ разсказываются въ этихъ деревняхъ*).

Крайняя бездоказательность всѣхъ имѣющихся въ литературѣ указаній заставляла до сихъ поръ относиться весьма скептически къ вопросу о существованіи въ настоящее время человѣческихъ жертвоприношеній у вотяковъ. Повидимому, постановленный судомъ два раза обвинительный приговоръ надъ мултанскими вотяками долженъ былъ поколебать это скептическое отношеніе и занести на страницы этнографіи русскихъ инородцевъ констатированіе факта крайней дикости вотяковъ. Но знакомство съ отчетомъ по мултанскому дѣлу, составленнымъ нашимъ извѣстнымъ и уважаемымъ писателемъ Короленко, даетъ возможность относиться къ вопросу о существова-

*) Смѣемъ увѣрить автора статьи въ Петерб. Вѣдом., что „таинственный культъ“ у вотяковъ далеко не такъ страшенъ. Мы лично присутствовали на таинственномъ для г. Полтавскаго жертвоприношеніи Якташу и описали восемь лѣтъ тому назадъ это жертвоприношеніе въ статьѣ „Очеркъ быта Сарапульскихъ вотяковъ (Сборникъ. подъ ред. пр. Миллера). Совершалось оно недалеко отъ с. Юсекъ, вотяки рѣшительно ничего не имѣли противъ нашего присутствія. и держали себя совершенно также, какъ на всѣхъ остальныхъ моленіяхъ. на которыхъ намъ удавалось быть.

ніи человѣческихъ жертвоприношеній у вотяковъ съ прежнимъ недовѣріемъ.

Дѣло въ томъ, что данныя, обнаруженныя относительно Мултанцевъ, такъ сильно противорѣчатъ свѣдѣніямъ этнографической литературы о религіозныхъ вѣрованіяхъ вотяковъ, что этнографъ долженъ отвергнуть возможность совершенія человѣческаго жертвоприношенія въ обстановкѣ, которую рисуютъ обвинители мултанцевъ. Отсюда уже прямой выводъ къ тому, что человѣческихъ жертвоприношеній въ настоящее время не существуетъ, развѣ только мы пожелаемъ заключить къ ихъ существованію на основаніи тѣхъ шаткихъ и не выдерживающихъ рѣшительно никакой критики свѣдѣній, о которыхъ уже говорено.

Сознательно отнестись къ обсужденію глубокихъ противорѣчій между данными мултанскаго дѣла и религіозными представленіями вотяковъ можно, конечно, лишь при знакомствѣ съ типичными чертами послѣднихъ, а потому и переходимъ къ характеристикѣ языческихъ религіозныхъ вѣрованій вотяковъ.

II.

Слово богъ, какъ нарицательное имя, по вотяцки инмаръ; этимъ же словомъ называютъ божество неба, съ представленіемъ о которомъ соединяется рядъ высокихъ, свѣтлыхъ,

чистыхъ качествъ. Благость, кротость, доброта, отчасти невзыскательность,—черты, которыя приписываетъ вотякъ Инмару, Инмару—Кылчину.

Инмаръ это источникъ всего добраго и хорошаго, творецъ людей и міра; самъ онъ настолько добръ, что вотяки даже не всегда боятся его. Для него не существовало и не будетъ существовать времени; живетъ онъ не для себя, а для людей, которые, въ свою очередь, должны жить только для него. Его постоянное мѣстопребываніе, какъ говорятъ одни вотяки, на солнцѣ и небо служитъ ему одеждою. Онъ, какъ говорятъ другіе, съ золотымъ шаромъ въ рукѣ, ходитъ по небу и принимаетъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, лишь благодарственныя жертвы, умилостивлять его не надо *).

При разговорахъ съ вотяками, всякій разъ какъ они говорили объ Инмарѣ, какъ богѣ, которому нужно принести умилостивительную, и даже просительную, жертву, намъ казалось, что слово „Инмаръ“ употребляется въ смыслѣ нарицательнаго имени. „Со инмаръ?“ (Богъ ли это?), спрашивали мы вотяка о томъ или иномъ духѣ, и получали утвердительный или отри-

*) Такого мнѣнія, напримѣръ, держится г. Первухинъ, одинъ изъ лучшихъ изслѣдователей быта вотяковъ. Мы вполнѣ присоединяемся къ его мнѣнію, дополняя его свѣдѣніями добытыми отъ Сарапульскихъ вотяковъ.

цательный отвѣтъ, смотря потому, причисляютъ ли вотяки даннаго духа къ своимъ божествамъ. Постоянно на вопросъ, какому божеству приносится данная жертва, вотяки отвѣчали: Инмару, хотя бы мы заранѣе знали, что она назначается совершенно другому божеству; и лишь разсмотрѣніе молитвенныхъ обращеній, изученіе культа и постепенное пріобрѣтеніе довѣрія со стороны вотяковъ давали возможность опредѣлить истинное названіе божества. Отвѣчаютъ такимъ образомъ вотяки, опасаясь преслѣдованій духовнаго начальства, почему они, обыкновенно, и указываютъ, что въ данный моментъ молятся „богу", которому одинаково молится и русскій крестьянинъ, и священникъ ихъ сельской церкви.

Иногда, приходилось и намъ лично слышать, что божество Инмаръ есть „богъ, которому кланяются въ православной церкви". Интересно сопоставить эти слова съ показаніемъ одного изъ свидѣтелей по мултанскому дѣлу, который, на вопросъ о томъ, кто такое Инмаръ, перекрестился и поднялъ глаза къ небу. Тотъ характеръ благодарственной жертвы Инмару, на который указывалось выше, вполнѣ подтверждаетъ христіанское представленіе вотяка о названномъ богѣ, такъ какъ характеръ благодарственныхъ моленій мало свойственъ духу языческихъ религіозныхъ представленій, заставляющихъ обра-

щаться къ богамъ лишь для ихъ умилостивленія и задобриванія.

Такимъ образомъ, Инмаръ, верховный богъ, богъ неба, рисуется въ понятіи вотяка язычника въ чрезвычайно туманныхъ очертаніяхъ и, съ большимъ основаніемъ, можно предполагать, что вліяніе христіанства сказалось всего сильнѣе на народномъ представленіи объ этомъ божествѣ.

Нѣсколько иной характеръ носятъ божества земли (Му-Кылчинъ), солнца (Шунды-мумы), лѣса (Нюлезъ-муртъ), воды (Ву-муртъ), вѣтра (Толъ-пери) и другіе представители даровъ природы, стихій, болѣзней. Всѣ они не имѣютъ ничего общаго съ христіанской церковью, и всѣхъ ихъ необходимо ублаготворять.

Но вмѣшиваются они въ жизнь вотяка каждое лишь въ сферѣ своей дѣятельности: вотъ почему бога земли чествуютъ только, когда нуженъ хорошій урожай, охотники, чаще всего. имѣютъ дѣло съ богомъ лѣса, богъ вѣтра умилостивляется для огражденія отъ вихрей и т. п. явленій.

Молиться всѣмъ этимъ богамъ не надо особаго умѣнья; не надо, чтобы жертва шла отъ опредѣленнаго союза, связаннаго какими бы то ни было узами. Равнымъ образомъ, жрецы не должны быть указаны самимъ божествомъ и не должны имѣть какого либо особаго навыка для исполненія своихъ обязанностей.

Божество солнца, напримѣръ, занимаетъ второстепенное мѣсто въ языческомъ міровоззрѣніи вотяка, божество земли также не пользуется особенно щедрыми приношеніями. Большая часть остальныхъ духовъ занимаетъ мѣсто въ рядахъ низшихъ божествъ, и съ ними возможна для человѣка даже борьба.

Въ цѣломъ рядѣ сказокъ о Нюлезъ-муртахъ и Ву—муртахъ человѣкъ убѣгаетъ отъ нихъ, и божокъ не можетъ уже больше овладѣть этимъ человѣкомъ, пока вновь случайно не захватитъ его.

Совсѣмъ другое дѣло при умилостивленіи боговъ, которые постоянно и въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ вмѣшиваются въ жизнь вотяка, которые, при всякомъ удобномъ случаѣ, напоминаютъ о своемъ вѣчномъ существованіи, о своемъ неоспоримомъ правѣ на заботливое почитаніе. Грозный и суровый Кереметь,*) напримѣръ, за самую ничтожную небрежность въ культѣ разражается цѣлымъ потокомъ наказаній противъ отдѣльныхъ лицъ и противъ цѣлыхъ селеній. Покойные предки вотяка не допустятъ своихъ живыхъ потомковъ забыть своевременно угостить ихъ.

---

*) Ниже приведемъ соображенія, на основаніи которыхъ мы утверждаемъ, что почитаніе Кереметя (или Луда) вытекаетъ изъ культа родовой религіи. Слово Кереметь (или Лудъ) употребляется для названія божества и мѣста почитанія этого божества.

Роды и семьи вотяковъ находятся подъ покровительствомъ Мудоровъ, Ниву и Воршудовъ. Нѣтъ, повидимому, ни одного событія въ жизни вотяка даннаго племени—рода, семьи, въ которомъ не принимало бы участіе одно изъ названныхъ божествъ.

Вся территорія, занимаемая, тѣмъ или инымъ. племенемъ, находится подъ покровительствомъ божествъ, имѣющихъ нѣкоторую связь съ Воршудами и Мудорами. Они чрезвычайно требовательны къ лицамъ, живущимъ или жившимъ на данной территоріи. Черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ мстятъ божества эти, напримѣръ, женщинѣ, которая, выйдя замужъ въ другую мѣстность, забыла. или не могла почему либо, ублаготворить ихъ своевременною жертвою *).

Воршуду, Ниву и Мудору (есть основаніе предполагать, что означенныя названія принадлежатъ одному и тому же божеству, что вполнѣ подтверждается изученіемъ ихъ культа) вотяки строятъ особыя молельни, гдѣ хранится все, относящееся въ ихъ культу, и гдѣ совершаются имъ жертвоприношенія.

Въ глубинѣ двора каждаго домохозяина мож-

*) Въ селѣ Бурановѣ намъ пришлось записать слѣдующій фактъ. Женщина, вышедшая замужъ слишкомъ 20 лѣтъ тому назадъ, заболѣла. И вотъ она, какъ искупительную жертву за свою болѣзнь, везетъ въ мѣстность. гдѣ жила въ дѣвичествѣ, козу.

но видѣть небольшую деревянную постройку, которая напоминаетъ своею формою шалашъ. Сложенъ этотъ шалашъ изъ бревенъ: въ серединѣ тесовой крыши сдѣлано отверстіе для выхода дыма. Низкая дверь, иногда гораздо ниже человѣческаго роста, ведетъ внутрь, гдѣ не встрѣтите оконъ. Тамъ, посреди земляного пола, изъ грубыхъ неотесанныхъ камней сложенъ очагъ; надъ очагомъ виситъ цѣпь. Вдоль бревенчатыхъ стѣнъ тянется скамья, около которой, въ дальнемъ лѣвомъ углу, стоитъ столъ: надъ столомъ полка: на послѣдней помѣщается берестовый буракъ, въ которомъ хранится жертвенная посуда.

Таково святилище Воршуда—божества хранителя семьи, божества строгого и взыскательнаго, но заботящагося о всѣхъ сторонахъ жизни вотяка д а н н о й с е м ь и.

Такое же святилище, нѣсколько большее по размѣрамъ, строится Мудору или Нюву, называемому, иногда, Воршудомъ большого шалаша, покровителю племени, требующему для себя почитанія именно отъ даннаго племени. Если въ деревнѣ одинъ родъ—племя, то родовой шалашъ иногда строится гдѣ либо по близости въ лѣсу, или на полянѣ; если въ деревнѣ два и болѣе родовъ, то, обыкновенно, ихъ родовые шалаши находятся на дворѣ у родового жреца (хранителя большого шалаша).

Такъ, напримѣръ, въ с. Мултанъ д в а рода

Съ фот. П. Богаевскаго.

Шалашъ Воршуда.

и факты обвинения констатируютъ наличность двухъ родовыхъ шалашей.

Итакъ, въ святилищѣ родового шалаша обитаетъ божество рода — племени, Мудоръ (или, что тоже, Нылу-Воршудъ *). До вотяковъ остальныхъ племенъ Мудору, обитающему въ данномъ святилищѣ, какъ Воршуду до вотяковъ остальныхъ семей, нѣтъ никакого дѣла. Въ свою очередь вотяки мало заботятся о чужихъ Воршудахъ и Мудорахъ.

Такимъ образомъ, вслѣдствіе того, что въ одной деревнѣ можетъ быть нѣсколько различныхъ племенъ, можетъ случиться и, почти всегда, такъ бываетъ, что шалашей Мудору (или, что тоже, Воршуду большого шалаша) нѣсколько, въ каждомъ изъ которыхъ молятся только вотяки даннаго племени, и святилища эти ни въ какомъ отношеніи другъ къ другу не находятся.

Въ этнографической литературѣ извѣстны попытки перевода на русскій языкъ слова Воршудъ, самая удачная изъ которыхъ, по нашему мнѣнію, принадлежитъ Борису Гаврилову, автору прекраснаго сборника произведеній духовнаго творчества вотяковъ. Онъ переводитъ это слово слѣдующимъ образомъ:

*) Подробности относительно всего излагаемаго можно найти въ нашихъ статьяхъ въ Этн. Об. за 1890 г.

Хранитель счастья". Не лишены остроумія соображенія г. Верещагина, по которымъ онъ считаетъ слово Воршудъ тождественнымъ выраженію: „Питаемое или хранимое счастье".

Главныя святыни означенныхъ молеленъ— очагъ, зола изъ него и висящая надъ нимъ цѣпь. Ни черезъ него, ни черезъ цѣпь нельзя переступать: это считается сильнымъ грѣхомъ, влекущимъ за собою месть божества. Характерно объясненіе такого запрещенія, которое давали намъ вотяки: „Воршуду тяжело будетъ", говорили они.

Почитаніе цѣпи въ нѣкоторыхъ случаяхъ весьма велико: прикосновеніе къ ней, какъ намъ говорили въ д. Пунемѣ, можетъ спасти отъ врага. Безъ нужды ее нельзя снимать, а то случится несчастіе. Въ тоже время цѣпь эта спасительно дѣйствуетъ отъ града, для прекращенія котораго ее выносятъ во дворъ.

Если шалаши, какъ родовой, такъ и семейный, будутъ уничтожены пожаромъ или отъ другой причины, но сохранится мѣсто очага и въ этомъ послѣднемъ зола, то значеніе святилища не пропадаетъ. Напротивъ того, полное уничтоженіе очага и невозможность получить изъ него золы тождественны съ полнымъ прекращеніемъ существованія Воршуда или Мудора даннаго племени или семьи. Послѣдствія этого весьма тяжелы, такъ какъ исчезновеніе означеннаго святилища влечетъ

за собою уничтоженіе счастья его поклонниковъ.

Значеніе золы въ очагѣ настолько велико, что перенесеніе ея, въ особенности при соблюденіи обрядовъ, символизирующихъ похищеніе этой золы, на другое мѣсто равносильно перенесенію всего святилища*).

Все, что мы говорили о святыняхъ родового (племенного) шалаша относится и къ семейному шалашу, мѣстопребыванію Воршуда каждой отдѣльной семьи.

Вотяки твердо вѣруютъ, что зола изъ очага родного святилища необходима для счастія лица, оставляющаго навсегда свою родную семью. Такъ, напримѣръ, уходящій „въ зятья“ или „въ сыновья“, приноситъ съ собою своего Воршуда**), для котораго выстраиваетъ на своемъ новомъ мѣстожительствѣ особый шалашъ.

Если нѣтъ средствъ построить себѣ отдѣльный шалашъ, то принесенную золу кладутъ въ очагъ шалаша принимающей семьи. Но дѣлать это иногда воздерживаются, опасаясь, что, въ случаѣ ссоры и, какъ ея слѣдствія, ухода изъ принявшей семьи, нельзя уже будетъ взять своего Воршуда и придется, такимъ образомъ, потерять свое счастье.

*) Подробности объ этомъ въ нашей статьѣ о рел. представл. вотяковъ. Этн. Обозр. 1890 г. № 2.

**) Воршудомъ называютъ не только родовое и семейное божество, но, между прочимъ, и золу изъ очага.

Нелишнее указать на то, что члены отдѣльныхъ семей несутъ иногда свои жертвы и въ родовое святилище. Тамъ, напримѣръ, совершаетъ возліяніе на очагъ уходящій въ рекруты, тамъ же дѣвушки, выходящія замужъ, украшаютъ стѣны цвѣтными лоскутами.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ данныя, которыя установляютъ аналогію въ культѣ семейнаго и родового шалаша, связь между которыми сознается самими вотяками.

Слѣдующій фактъ указываетъ, между прочимъ, на это сознаніе. Мудоръ или Воршудъ большого шалаша уходитъ изъ своего святилища въ опредѣленное время года „на цвѣты", тоже самое говорили намъ вотяки относительно Воршуда семейнаго шалаша.

Связь между родовымъ и семейнымъ шалашомъ сказывается и въ слѣдующемъ обычаѣ, на который указываетъ г. Верещагинъ *). Въ сѣверной части Сарапульскаго уѣзда, когда коробъ, въ которомъ хранится жертвенная посуда, придетъ въ ветхость, то привозятъ новый „изъ того племени, къ которому принадлежитъ хозяинъ короба".

---

*) Не мѣшало бы г. Поплавскому познакомиться съ этими словами г. Верещагина, прежде чѣмъ, цитируя, между прочимъ и названнаго изслѣдователя, выставлять свое, не выдерживающее никакой критики, положеніе „объ утратѣ значенія Воршуда, въ смыслѣ родового божества".

Обычай относить въ родовой шалашъ золу изъ семейнаго шалаша. послѣ того какъ Воршудъ вслѣдствіе смерти всѣхъ членовъ семьи лишится послѣдняго жреца и поклонника, также свидѣтельствуетъ о сознаніи этой связи.

Жреческія обязанности при моленіяхъ Воршуду, и въ семейномъ и въ родовомъ шалашѣ, непремѣнно исполняетъ постоянный жрецъ, членъ данной семьи или племени. Жрецомъ Воршуда можно сдѣлаться лишь послѣ торжественной передачи этого званія вдовою послѣдняго жреца, „воршудъ утися" (хранителя Воршуда), либо имъ самимъ, когда онъ оставляетъ свое званіе вслѣдствіе своей старости, или за смертью жены, безъ которой нельзя совершать моленія.

Обрядъ передачи званія жреца совершается слѣдующимъ образомъ. Новые жрецы, мужъ и жена, получаютъ отъ прежнихъ кольца, которыя во время моленій мужчины носятъ на указательномъ пальцѣ правой, а женщины на среднемъ пальцѣ лѣвой руки. „Живите, дѣти, хорошо; мы пожили, теперь ваша очередь быть счастливыми—дѣтьми, скотиною, хлѣбомъ", произноситъ передающій свое званіе, получая за это отъ новаго жреца въ подношеніе кумышку. „Богъ, Воршудъ, принимай же ты ихъ въ свои руки, пусть они будутъ тебѣ угодны и пусть будутъ достойными приносителями тебѣ жертвы", продолжаетъ

прежній жрецъ и, обращаясь къ новому жрецу и его женѣ, говоритъ: „будьте честны и непорочны передъ Воршудомъ, какими мы старались быть“. Затѣмъ совершается возліяніе на очагъ кумышки (водка домашняго приготовленія) и высказывается просьба, обращенная къ божеству: „Воршудъ, прими же его, какъ жертвователя“.

Жрецы въ родовой шалашъ, святилище племени, избираются шаманомъ (туно). Сущность церемоніи, при которой совершается это избраніе, сводится къ тому, что во время пляски, подъ музыку гусляра, туно приходитъ въ экстазъ и отъ имени божества выкрикиваетъ имена желательныхъ послѣднему жрецовъ. Званіе послѣднихъ, за рѣдкими исключеніями, пожизненно *).

*) Подробности этого обряда см. въ статьѣ нашей, помѣщенной въ Сборникѣ, изд. подъ ред. проф. Миллера. Весьма интересенъ переводъ словъ, обозначающихъ названія жрецовъ родового шалаша. Одно изъ нихъ „будзымъ куа утись“ переводится: „хранящій родовой шалашъ“, другое „торе“ переводится: „предводитель“, „тысяцкій“. Не смотря на то, что мы у многихъ вотяковъ добивались, кто старше, утись или тöре, никто не могъ дать положительнаго отвѣта. „Утись старше, говорили нѣкоторые:—вѣдь онъ читаетъ молитвы и совершаетъ все моленіе“. Но во всякомъ случаѣ, какъ и намъ самимъ постоянно приходилось наблюдать, такъ и по словамъ нѣкоторыхъ вотяковъ, тöре (предводителю) воздается гораздо большій почетъ, чѣмъ утисю

Съ фот. П. Богаевскаго.

Вотякъ гусляръ.

Наблюденія надъ вотяками Сарапульскаго уѣзда оставили въ насъ неизгладимое впечатлѣніе того благоговѣйнаго почтенія и страха, который питаютъ вотяки къ Воршуду, божеству семейнаго и родового шалашей, весьма строгому и взыскательному къ требованіямъ культа.

Грѣшно, напримѣръ, прикасаться неумытыми руками къ цѣпи. Если женщина войдетъ въ шалашъ, даже нечаянно, съ непокрытою головой, то оскорбленное божество требуетъ себѣ въ искупленіе принесенія въ жертву утки.

„Не гнѣвайся на насъ, Воршудъ, мы приносимъ тебѣ жертву: не вреди нашимъ ушамъ, глазамъ, дѣтямъ нашимъ, скотинѣ и хлѣбу", просятъ по этому поводу вотяки.

Постоянно приходилось слышать отъ вотяковъ, что счастіе и благодеяст[illegible] семьи они ставятъ въ прямую зависимость отъ почитанія Воршуда. Къ охранѣ его, равно какъ и къ охранѣ покойныхъ предковъ, прибѣгаютъ даже въ самыхъ маловажныхъ случаяхъ. Передъ отъѣздомъ, напримѣръ, въ гости вотякъ прикасается къ цѣпи надъ очагомъ, молясь: „Благословенный Воршудъ, вотъ мы ѣдемъ съ запряженными лошадьми и одѣвшись, какъ слѣдуетъ.

(хранителю). Несомнѣнно, что для характеристики религіи вотяковъ, какъ религіи, развившейся подъ вліяніемъ родового быта, этотъ фактъ имѣетъ громадное значеніе.

Пусть же мы не предстанемъ предъ глаза вражескаго человѣка и да угодимъ прямо къ хорошему, который живетъ съ хорошими мыслями, прямо за хорошій столъ *)".

Перечисленіе событій, вызывающихъ необходимость жертвоприношеній Воршуду, лучше всего освѣтитъ значеніе его въ жизни вотяка.

Жертвоприношенія Воршуду, кромѣ дней нѣкоторыхъ большихъ праздниковъ, пріуроченныхъ къ христіанскимъ, совершаются: 1) послѣ рожденія ребенка; 2) при пріемѣ сына; 3) послѣ привоза снохи; 4) передъ посѣвомъ; 5) передъ косьбою; 6) въ случаѣ болѣзни кого либо изъ членовъ семьи, когда шаманъ опредѣлитъ эту болѣзнь, какъ наказаніе Воршуда; 7) по воскресеньямъ, по случаю печенія табаней (родъ лепешекъ); 8) при отъѣздѣ въ гости.

Если обратиться къ случаямъ, когда вотяки прибѣгаютъ съ мольбами къ умилостивленію и помощи своихъ покойниковъ, то нельзя не признать тѣсной связи между почитаніемъ Воршуда и культомъ предковъ.

Вотяки молятся своимъ покойникамъ: 1) около праздниковъ Покрова и Пасхи; 2) передъ косьбою: 3) передъ посѣвомъ; 4) въ случаѣ болѣзни, когда шаманъ опредѣлитъ эту болѣзнь

*) Интересно сравнить эту молитву съ таковою же, обращенной къ предкамъ, приводимой ниже.

наказаніемъ покойниковъ; 5) по воскресеньямъ, когда пекутъ табани; 6) при отъѣздѣ въ гости; 7) при пропажѣ чего-либо изъ семейнаго имущества; 8) при неудачной варкѣ кумышки; 9) вышедшая замужъ дочь, по смерти своихъ родителей, привозитъ голову и ноги коровы, принося ихъ въ жертву покойнымъ.

Въ пяти случаяхъ (2, 3, 4, 5, 6) событія, вызывающія необходимость моленія Воршуду, вызываютъ также и необходимость моленія покойникамъ. Если мы обратимся къ сравненію остальныхъ жертвоприношеній Воршуду и покойникамъ, то мы придемъ къ заключенію, что всѣ они вызываются событіями, тѣсно связанными съ имущественнымъ и нравственнымъ благоденствіемъ данной семьи.

Обширная область подземнаго міра населена безпокойными кулемартьос(мертвыми), которые постоянно требуютъ себѣ пищи, заботъ, и, не получая таковыхъ, жестоко мстятъ вотяку, разрушая на каждомъ шагу его благосостояніе.

Естественно, что забота о покойникахъ принадлежитъ тѣмъ изъ оставшихся въ живыхъ, которые наиболѣе близки къ нимъ. „Поминаемъ васъ, отецъ, мать, дядя... и всѣхъ остальныхъ, которыхъ помнимъ и не помнимъ, говорятъ вотяки.

Обязанность поддерживать загробную жизнь предковъ заключается въ доставленіи имъ

пищи въ случаяхъ, перечисленныхъ выше. Порою покойники получаютъ одежду, деньги и нѣкоторые предметы домашняго обихода, которыми они и снабжаются во время похоронъ. „Чтобы ты не терпѣлъ нужды, вотъ тебѣ", говоритъ вотякъ, кладя въ гробъ тотъ или иной предметъ домашняго обихода *). Но, по большей части, заботы о предкахъ сводятся къ доставленію имъ пищи—хлѣба, говядины, масла, а также питья—пива, кумышки, водки.

При существованіи необходимой заботы потомковъ о предкахъ, образуется тѣсная связь между первыми и послѣдними, основанная не только на слѣпомъ страхѣ, но и заключающая нѣкоторое нравственное начало. Вотъ почему мы часто встрѣчаемъ въ молитвахъ къ предкамъ просьбу охранять живыхъ (конечно, исключительно родныхъ), спасать ихъ отъ навѣтовъ злыхъ людей, отъ вражескаго глаза, однимъ словомъ, всѣ тѣ мольбы, которыя вотякъ возноситъ и Воршуду **).

---

*) Одежда и другіе предметы домашняго обихода жертвуются иногда и много времени спустя послѣ похоронъ, но такіе случаи очень рѣдки.

**) Рельефно рисуется отношеніе вотяка къ своимъ покойникамъ въ слѣдующихъ молитвахъ, записанныхъ нами:

„Старики, дурно намъ не дѣлайте. Пусть удается намъ хлѣбъ и питье. Чѣмъ вы недовольны нами? Гуся ли вамъ нужно, утку ли? Требуйте: мы ни отъ чего не отказываемся, не споримъ съ вами. Мы не знаемъ, что

Основныя начала, на которыхъ зиждется культъ покойныхъ предковъ у вотяковъ, могутъ быть выражены въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1) вотяки считаютъ своею обязанностью поддерживать загробное существованіе своихъ умершихъ родственниковъ, подъ понятіе которыхъ подходятъ всѣ вообще предки *).

2) Если послѣдствіемъ забвенія покойниковъ родными будетъ месть со стороны первыхъ, то она считается вполнѣ заслуженной и законной.

3) Покойники имѣютъ право требовать совершенія опредѣленныхъ жертвъ, отъ принесенія которыхъ вотяки не отказываются.

4) Покойники могутъ оказывать благотворное вліяніе на имущественное и нравственное положеніе своихъ потомковъ.

По представленію вотяковъ, умершіе ведутъ совершенно такую же жизнь, какъ и живые

вамъ нужно. Кто васъ знаетъ, что вы просите? Пусть же теперь (при принесеніи жертвы) удается нашъ хлѣбъ и наше питье“.

„Хорошую дорогу намъ дайте для питья и ѣды, чтобы мы съ людьми не разсорились и чтобы мы любезно и цѣлуясь ѣли и пили“, молитъ вотякъ своихъ „стариковъ“, отправляясь въ гости и бросая имъ по лѣвую руку своей дороги кусокъ хлѣба.

*) „Всѣ родные, которыхъ я помню и не помню, не мѣшайте“, говорится въ молитвѣ вотяка.

люди, понятія и привычки которыхъ они уносятъ съ собою въ загробный міръ.

Человѣческая природа покойныхъ предковъ сказывается, напримѣръ, въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ приглашаютъ париться въ баню. „Вечеромъ во время поминокъ, говорили намъ вотяки, иногда топятъ баню и приглашаютъ туда покойниковъ: „айда, старики, въ баню, париться будемъ, мойтесь, очищайтесь". Наконецъ, весьма рельефно сказывается человѣческая природа покойниковъ въ тѣхъ пожеланіяхъ умершимъ парнямъ и дѣвушкамъ пожениться на томъ свѣтѣ, о которыхъ говоритъ проф. Смирновъ, ссылаясь на г. Буха.

З а г р о б о м ъ н е п р е р ы в а ю т с я р о д с т в е н н ы я с в я з и. Нами записанъ слѣдующій обрядъ, указывающій на близкія отношенія умершихъ родственниковъ другъ съ другомъ. Въ головахъ умершаго, обыкновенно, ставятъ берестяную коробку, куда бросаютъ яйца и, при этомъ, перечисляя всѣхъ родныхъ, говорятъ: „принимайте теперь въ товарищи этого умершаго".

Вѣрованіе въ то, что д у ш а новорожденному д а е т с я п р е д к а м и, нашедшее себѣ, между прочимъ, внѣшнее выраженіе въ обычаѣ обращаться къ нимъ съ молитвою въ случаѣ тяжелыхъ родовъ, свидѣтельствуетъ также о связи покойныхъ предковъ съ ихъ живущими на землѣ потомками. Эта послѣдняя сказы-

вается и въ словахъ молитвы, обращенной къ покойникамъ: „прежде поѣшь, а потомъ уходи, да не далеко; береги нашъ домъ, сохраняй скотину".

Въ настоящее время многочисленныя большія семьи распадаются на болѣе мелкія единицы, на малыя семьи. Каждая изъ послѣднихъ обращается съ мольбами къ покойникамъ лишь тогда, когда затронуты ея исключительные интересы. Но бываютъ случаи, когда и интересы другой малой семьи, родственной первой, могутъ вызвать необходимость совмѣстной молитвы всѣхъ семей, связанныхъ между собою узами родства. „Когда не удается варка кумышки, разсказывали намъ вотяки, необходимо моленіе покойникамъ. Но совершать это моленіе безъ полнаго бöльяка нельзя (т. е. должны присутствовать всѣ родственники, хотя бы и живущіе въ различныхъ семьяхъ), потому что, можетъ быть, кто либо изъ умершихъ всего бöльяка препятствуетъ этой варкѣ.

Итакъ, по большей части, въ настоящее время поминки совершаются отдѣльными семьями и въ нихъ принимаютъ участіе лишь члены данной семьи, за исключеніемъ, впрочемъ, дѣвушекъ, такъ какъ онѣ впослѣдствіи уйдутъ въ другую семью, къ культу которой и будутъ пріобщены.

Весьма характерны слѣдующія слова одного вотяка. На нашъ вопросъ, почему жена его не уча-

ствовала въ поминкахъ, происходившихъ передъ началомъ лѣтнихъ полевыхъ работъ, онъ отвѣчалъ: „она еще недавно взята въ домъ". Такимъ образомъ, для женщины право на участіе не отрицается, но требуется, болѣе или менѣе продолжительное, пребываніе въ домѣ подъ покровительствомъ пенатовъ данной семьи.

Способъ совершенія поминокъ, какъ и моленій Воршуду, мало чѣмъ отличается отъ жертвоприношеній другимъ божествамъ, развѣ только тутъ рельефнѣе сказывается вѣра въ непосредственное участіе божества въ томъ торжествѣ, которымъ почитаютъ его поклонники. Когда, напримѣръ, поминки продолжаются въ теченіе долгаго времени, то поминающіе должны заботиться о томъ, чтобы покойникамъ, пришедшимъ на пиршество, не было скучно, чтобы они не ушли голодными. „Айда, гулять съ стариками", говорятъ пирующіе, и толпа народа отправляется на улицу деревни. Дѣло въ томъ, что во время поминокъ, по убѣжденію вотяка, около него находится гость изъ покойниковъ, съ которымъ онъ при жизни послѣдняго былъ болѣе друженъ, и все, что дѣлаетъ живой человѣкъ, повторяетъ за нимъ его невидимый гость. Поэтому, чѣмъ веселѣе пирующій, тѣмъ веселѣе его спутникъ, чѣмъ сытѣе пирующій, тѣмъ сытѣе его спутникъ...

Кратко резюмируя вышеизложенное, мы можемъ сказать, что, какъ Воршудъ является

грозно-требовательнымъ геніемъ данной семьи и племени, все существованіе, счастье и спокойствіе которыхъ зависятъ отъ этого божества, подобно этому и предки являются грозно-требовательными геніями той же семьи, иногда и племени, благосостояніе и счастіе которой зависитъ отъ нихъ такъ-же, какъ и отъ Воршуда. Эта связь между покойными предками и Воршудомъ, повидимому, сознается самими вотяками. „Благослови, Воршудъ! иди за нами на новое мѣсто! не гнѣвайтесь, старики умершіе!“, —молятся они при переносѣ Воршуда на новое мѣсто.

Такимъ образомъ, признавъ связь между культомъ Воршуда и культомъ покойниковъ, мы можемъ сказать, что оба они, взаимно дополняя другъ друга, составляютъ одно неразрывное поклоненіе ряду прежнихъ поколѣній.

Значеніе въ современной жизни вотяковъ родовой и семейной религіи скажется еще сильнѣе, если мы обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что очевидные слѣды этой религіи наблюдаются и въ культѣ другихъ божествъ.

Особенно опредѣленно можно прослѣдить это въ почитаніи Кереметя (или Луда). Культъ грознаго Кереметя обязателенъ, какъ для отдѣльныхъ лицъ и семействъ, такъ и для цѣлой общины. При этомъ, подобно тому какъ въ родовомъ шалашѣ молятся лица, связан-

ныя единствомъ происхожденія, такъ и въ священныхъ рощахъ Кереметя, какъ намъ часто приходилось наблюдать, молятся лишь члены даннаго рода (племени). Главною святынею Кереметя считается зола изъ очага въ его священномъ лѣсу, переносъ которой символизируетъ переносъ всего святилища. Наконецъ, интересно сходство названій жрецовъ родового шалаша и Кереметя, которые, по крайней мѣрѣ въ Сарапульскомъ уѣздѣ, одинаково называются „утиси" т. е. хранители *). Все это оправдываетъ наше предположеніе объ одномъ и томъ же происхожденіи культовъ Воршуда родового шалаша и Кереметя. И тотъ и другой, по нашему мнѣнію, имѣютъ въ своемъ основаніи культъ предковъ, наиболѣе формальный и строгій у народовъ всѣхъ вѣковъ, извѣстныхъ до настоящаго времени этнографамъ и историкамъ.

III.

Мы уже говорили о томъ, что ни одно изъ имѣющихся въ этнографической литературѣ свѣдѣній о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ невыдерживаетъ, даже самой снисходительной критики. Мало того, всѣ они отличаются пол-

---

*) Временные жрецы, избираемые для общественныхъ моленій, называются восяси (молящіе).

Съ фот. П. Богаевскаго.

Усадьба вотяка.

(Шалашъ Воршуда виденъ въ глубинѣ двора).

ною неопредѣленностью и не даютъ никакого представленія о той внѣшней обстановкѣ, въ которой совершаются предполагаемыя человѣческія жертвоприношенія. Это, впрочемъ, и понятно, такъ какъ при отсутствіи въ религіозномъ міровоззрѣніи вотяка сознанія необходимости подобныхъ жертвъ, ихъ нѣтъ и въ жизни, а, слѣдовательно, досужей фантазіи трудно нарисовать картину ихъ внѣшней обстановки. Вотъ почему тамъ, гдѣ неизвѣстные и извѣстные авторы слуховъ пытаются возсоздать ритуалъ воображаемыхъ ими жертвоприношеній, обстановка послѣднихъ получаетъ столь неправдоподобный характеръ, что каждый, мало мальски знакомый съ бытомъ и религіозными представленіями вотяковъ, не задумается отвергнуть какое бы то ни было значеніе за приводимыми данными.

Укажу, напримѣръ, на сообщеніе г. Соловьева о томъ, какъ черезъ тридцатилѣтніе промежутки времени вотяки схватываютъ человѣка, привязываютъ его къ дереву и наносятъ рядъ несмертельныхъ ударовъ стрѣлами, чтобы добыть себѣ крови, послѣ чего убиваютъ его ударомъ ножа въ сердце. Это фантастическое сообщеніе встрѣтило на археологическомъ съѣздѣ въ Казани со стороны всѣхъ членовъ, между прочимъ и г. Золотницкаго, знатока инородческаго быта, присутствовавшихъ при докладѣ г. Соловьева, крайнее недовѣріе. И

дѣйствительно, мы, не говоря уже о невозможности допустить повтореніе, безъ широкой огласки, черезъ каждые тридцать лѣтъ такого дикаго обычая, не видимъ тутъ ни одной черты, присущей вотяцкому жертвенному ритуалу *).

Единственнымъ исключеніемъ изъ всѣхъ выш указанныхъ свѣдѣній о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ у вотяковъ является мултанское дѣло, гдѣ мы имѣемъ рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о той внѣшней обстановкѣ, при которой, по мнѣнію обвинителей, было совершено предполагаемое жертвоприношеніе.

Задача этнографа, конечно, сводится къ разсмотрѣнію фактовъ, которые рисуютъ внѣшнюю и внутреннюю обстановку предполагаемаго жертвоприношенія, и сопоставленіе ихъ съ извѣстными въ наукѣ данными о религіозныхъ вѣрованіяхъ вотяковъ.

Основное положеніе, которое должно быть признано при разсмотрѣніи съ этнографической точки зрѣнія дѣла мултанцевъ, мы формулируемъ слѣдующимъ образомъ: несмотря на

*) Знатокъ быта вотяковъ С. К. Кузнецовъ прямо указываетъ на то, что вотякамъ не знакомы жертвоприношенія съ мученіями жертвы. Таковыя наблюдаются, да и то въ крайне рѣдкихъ случаяхъ, у черемисъ, которые дѣлаютъ на жертвѣ уколы ножомъ и причиняютъ иныя мученія, о каковыхъ и сами отзываются съ омерзѣніемъ. Сибирскій Вѣстникъ. 1895. № 176.

всю необходимость совершить принесеніе въ жертву человѣка возможно болѣе скрытнымъ образомъ, загладить всѣ слѣды такого дѣла, не смотря на это,—все, что требуется религіозными представленіями правовѣрнаго вотяка, должно быть выполнено безъ малѣйшаго опущенія.

Блестящая характеристика религіи народовъ античной древности, которую даетъ Фюстель-де-Куланжъ, можетъ всецѣло относиться и къ современнымъ народностямъ, развивающимся въ своей общественной жизни подъ вліяніемъ, такъ называемаго, культа предковъ, а слѣдовательно, въ частности, она можетъ относиться и къ религіи вотяковъ.

„Слово религія, пишетъ названный авторъ, не совпадаетъ въ своемъ прежнемъ значеніи съ тѣмъ, что мы обозначаемъ этимъ словомъ въ настоящее время. У древнихъ оно опредѣляло совокупность обрядовъ, церемоній, дѣйствій внѣшняго служенія. Ученіе значило мало, имѣли значеніе только обряды: только они были обязательны и необходимы. Религія была матеріальною связью, цѣпью, державшею человѣка въ неволѣ. Человѣкъ, создавъ ее, страшился ея и не дерзалъ ни разсуждать, ни спорить, ни разбирать ее“.

Гнѣвъ бога, вызвавшій, по словамъ свидѣтелей обвиненія, необходимость человѣческаго жертвоприношенія, объясняется забвеніемъ и

неисполненіемъ старыхъ обычаевъ. Въ глазахъ некультурнаго человѣка подобное пренебреженіе къ обычаямъ выражается не только въ нарушеніи ихъ содержанія, но также и въ несоблюденіи внѣшней формы, тѣсно связанной съ этимъ содержаніемъ.

Такимъ образомъ, невозможно допустить, чтобы вотякъ, якобы удовлетворяя разгнѣванное божество принесеніемъ ему въ жертву человѣка, рѣшился вновь разгнѣвать его и нарушить тотъ культъ, неприкосновенность котораго, развиваясь вѣками среди даннаго народа, является главною задачею въ почитаніи божества.

„Соблюденіе культа Луда (или Кереметя) влечетъ за собою его благоволеніе, тогда какъ гнѣвъ его вызывается лишь небреженіемъ этого культа", писали мы подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ личныхъ наблюденій надъ сарапульскими вотяками (сосѣдями мултанцевъ) и послѣ продолжительнаго изученія литературы о вотякахъ.

Строгость культа этого божества сознается повсемѣстно, она простирается на мельчайшія подробности. Вотяки, явившіеся, напримѣръ, на моленіе Луду не въ безукоризненно чистыхъ одеждахъ, не допускаются даже до ѣды жертвенныхъ даровъ. Одинъ изъ жрецовъ Луда, принадлежавшій къ семьѣ, въ которой представители нѣсколькихъ поколѣній были жре-

цами означеннаго божества, разсказывалъ намъ, что Лудъ являлся его прабабкѣ во снѣ и заявилъ ей, что „онъ не можетъ переносить упущеній отъ людей“. Если сопоставить эти слова божества съ сдѣланнымъ имъ тогда же заявленіемъ, что оно не переноситъ „ни малѣйшей нечистоты“ въ своемъ святилищѣ, то мы съ большимъ основаніемъ, можемъ считать слово „упущенія“ синонимомъ выраженія: „неисполненіе дѣйствій внѣшняго служенія“. Предположеніе это находитъ себѣ подтвержденіе въ вышеуказанной требовательности Луда къ правильному соблюденію его культа.

„Мы, молодые и старые, не знаемъ, что сказать напередъ и что потомъ, не гнѣвайся на насъ за это“, говорится въ очень многихъ вотяцкихъ молитвахъ къ различнымъ божествамъ, и въ этихъ словахъ слышится отзвукъ народнаго сознанія о необходимости и желательности формализма при умилостивленіи бога даже во внѣшней конструкціи молитвы *).

Формализмъ, приверженность къ буквѣ, къ обрядамъ, завѣщаннымъ сѣдою стариною, характеризуетъ цѣлый рядъ областей внѣшней и внутренней жизни малокультурнаго человѣка.

*) Должно замѣтить, что содержаніе молитвы въ настоящее время не подчинено опредѣленной и вполнѣ однообразной формѣ, хотя между отдѣльными молитвами наблюдается большое сходство.

Вспомнимъ, что при господствѣ неразвитыхъ началъ права достаточно опущеніе лишь одного слова, чтобы процессъ былъ проигранъ, что точное соблюденіе обрядовъ спасаетъ и тяжкаго преступника отъ наказанія, тогда какъ малѣйшее упущеніе въ этихъ же обрядахъ можетъ отразиться на судьбѣ невиннаго.

Вспомнимъ, что какой-нибудь неправильный жестъ фараона при жертвоприношеніяхъ въ древнемъ Египтѣ уничтожалъ значеніе всего священнодѣйствія.

Какъ часто присутствіе чужеродца оскорбляло божество, которому молились древніе римляне. И подобное присутствіе человѣка неугоднаго чествуемому божеству, будь то чужеродецъ, или кто нибудь изъ единоплеменниковъ, напримѣръ, женщина или дѣвушка, сознается, какъ преступное нарушеніе культа не только народами античной или восточной древности, но оно сознается такимъ же образомъ всякимъ человѣкомъ, надъ умомъ котораго владычествуютъ представленія первобытной религіи; оно, въ частности, понимается такимъ же образомъ и вотякомъ.

Вотякъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ не рѣшится пойти на жертвоприношеніе, совершаемое родными его жены въ честь тѣхъ боговъ, которые владычествуютъ надъ территоріей, гдѣ его жена жила, еще будучи дѣвушкой. Присутствіе мужа на подобномъ

жертвоприношеніи оскорбительно для божества, которое не позволяетъ ему участвовать вмѣстѣ съ женою и въ пиршествѣ по поводу означеннаго моленія.

Въ деревняхъ, окружающихъ с. Юськи (Сарап. у.), между прочимъ, покланяются божеству Пиналъ-Мудору, но жертвоприношеніе ему непремѣнно долженъ совершать „Поська человѣкъ", т. е. вотякъ изъ племени Поська. Тамъ же, въ опредѣленномъ раіонѣ территоріи, существуетъ культъ Юрыкъ-Вожо. Жертвоприношеніе этому божеству непремѣнно долженъ совершать „Поська человѣкъ", въ присутствіи хотя бы одного человѣка изъ племени того, кто нуждается въ моленіи, при чемъ на это моленіе допускаются женщины лишь изъ племени Поська. По мнѣнію вотяковъ, кто означеннымъ божествамъ „безъ Поська вздумаетъ молиться, того жертвы Вожо не приметъ *)".

*) Даже крестьяне великоруссы, и тѣ въ своихъ обрядахъ, подвергшихся значительному вліянію христіанства, находятся иногда подъ сильнымъ давленіемъ формализма въ культѣ. Приведу, напримѣръ, слѣдующій случай, передаваемый г. Куликовскимъ относительно крестьянъ Олонецкой г. Тамъ передъ Ильинымъ днемъ въ послѣднюю пятницу рѣжутъ барана или быка и ѣдятъ вареное мясо близъ часовни, или на кладбищѣ, при чемъ женщины должны отсутствовать. Разсказываютъ, что въ с. Суисари мужъ передалъ своей женѣ черезъ кладбищенскую ограду кусокъ мяса. Это обстоятель-

Подробное разсмотрѣніе вопроса о формализмѣ въ культѣ не входитъ въ задачу нашей статьи, такъ какъ приведенныя данныя, въ достаточной степени, указываютъ на сознаніе самими вотяками необходимости подчинить культъ своихъ божествъ опредѣленнымъ правиламъ, за несоблюденіе которыхъ приходится отвѣчать передъ божествомъ, честь и права котораго нарушаются такимъ несоблюденіемъ.

Принятое нами основное положеніе о формализмѣ въ культѣ раздѣляется и другими изслѣдователями быта вотяковъ. По словамъ г. Кузнецова, „характерною чертою всѣхъ шаманскихъ религій является строгое и неуклонное соблюденіе внѣшняго ритуала". Значеніе и необходимость подобнаго соблюденія внѣшняго ритуала, повидимому, сознаетъ и проф. Смирновъ, допускающій отступленія отъ него лишь въ виду неотложныхъ обстоятельствъ, наличности каковыхъ въ дѣлѣ мултанцевъ онъ, впрочемъ, не признаетъ.

Намъ кажется, что на обязанности этнографа, выступающаго съ подобнымъ утвержденіемъ о возможности для малокультурнаго человѣка компромисса въ дѣлѣ религіи, лежитъ доказать

ство, по мнѣнію крестьянъ, вызвало въ годъ означеннаго пиршества усиленную пропажу скотины (Сборникъ свѣдѣній о крестьянск. населеніи Россіи, изд. подъ ред. Н. Харузина. В. 1.).

фактическими примѣрами справедливость своего утвержденія. Мы, съ своей стороны, отказываемся сдѣлать это, такъ какъ въ обширной литературѣ о вотякахъ не знаемъ ни одного указанія на рѣзкое отступленіе отъ требованій культа родовой и семейной религіи.

Обвинитель по дѣлу мултанцевъ также, повидимому, сознаетъ необходимость признать значеніе формализма въ культѣ. Въ обвинительномъ актѣ мы читаемъ слѣдующее. По показанію свидѣтелей, „трупъ переносится въ такое мѣсто, гдѣ бы онъ былъ, по нахожденіи его, непремѣнно преданъ землѣ по христіанскому обряду, безъ чего самая жертва не будетъ принята Курбаномъ и замучаетъ участниковъ ея“ *). Нѣсколько ниже обвинитель-

*) Обвинитель пользуется этимъ свѣдѣніемъ для объясненія того факта, что трупъ нищаго былъ брошенъ въ сравнительно людномъ мѣстѣ, тогда какъ онъ могъ быть скрытъ въ мѣстѣ значительно болѣе удобномъ для уничтоженія слѣдовъ предполагаемаго преступленія. Но необходимо замѣтить, что существованіе обычая, на который ссылается обвинитель, совершенно неизвѣстно этнографамъ, ничѣмъ не подтвердилось на судѣ, основано на показаніи свидѣтеля Львовскаго, который почти отказался отъ него при вторичномъ разсмотрѣніи дѣла, что и понятно, такъ какъ имъ была признана сомнительность источника, откуда онъ почерпнулъ свои свѣдѣнія. Недостовѣрность этнографическихъ данныхъ обвинительнаго акта ярко иллюстрируется отношеніемъ его къ божеству (?) Курбану. Обвинительный актъ, какъ это видно изъ вышеприведеннаго мѣста, счи-

ный актъ указываетъ на то, что „участіе Дм. Ст., состоящаго жрецомъ въ шалашѣ Моисея Дмитріева, безъ котораго не можетъ быть и самаго моленья, а также Адр. Ал., покчи босяся въ томъ же шалашѣ, — непосредственнаго помощника главнаго жреца, не подлежитъ сомнѣнію по самому характеру исполняемыхъ ими обязанностей вотскихъ жрецовъ, чего они не отрицаютъ и сами".

Нижеслѣдующія разсужденія, основанныя на фактическихъ данныхъ, имѣютъ своею задачею дать объясненіе, почему отступленія отъ ритуала въ родовой и семейной религіи вотяковъ невозможны. Эти фактическія данныя проливаютъ свѣтъ на отношеніе вотяка къ культу своихъ божествъ. Они даютъ возможность утверждать, что отступленія отъ строгихъ требованій религіи, которыя, какъ мы старались показать это въ предшествующей главѣ, связываютъ каждый шагъ въ обыденной жизни вотяка, являются въ глазахъ правовѣрнаго

таетъ „сердитаго бога Курбана" тѣмъ духомъ, который потребовалъ себѣ и принялъ въ жертву человѣка. Совершенно невѣдомый этнографамъ богъ „Курбанъ" оказался, какъ было вполнѣ установлено на судѣ и экспертами и свидѣтелями, несуществующимъ. Слово курбаны по вотяцки означаетъ: приносить жертву, совершать жертвоприношеніе.

Но, во всякомъ случаѣ, для насъ весьма интересно, что даже обвинительный актъ признаетъ значеніе формализма въ культѣ.

представителя этой народности преступленіемъ, влекущимъ за собою месть божества.

Какое божество потребовало себѣ столь непривычное для большинства вотяковъ приношеніе, гдѣ происходило моленіе, кто были жрецы этого божества, въ присутствіи кого совершалось убійство нищаго и связанные съ нимъ обряды и, наконецъ, въ чемъ заключались эти обряды—таковы вопросы, отвѣтъ на которые необходимъ при разсмотрѣніи дѣла мултанцевъ.

Намъ кажется, что факты, приведенные въ предшествующей главѣ, въ достаточной мѣрѣ, выяснили то обстоятельство, что всѣ эти вопросы, кромѣ послѣдняго, самымъ тѣснымъ образомъ связаны другъ съ другомъ. Мы останавливались подробно на характеристикѣ родовой и семейной религіи вотяковъ съ тѣмъ, чтобы была ясна зависимость мѣста моленія отъ божества, которое ублаготворяется вотякомъ, чтобы выяснить отношеніе къ культу этихъ божествъ ихъ жрецовъ и ихъ поклонниковъ.

Задача дальнѣйшаго изложенія сводится къ тому, чтобы пояснить въ свѣтѣ фактическихъ данныхъ религіи вотяковъ мотивы, опредѣляющіе неуклонное и однообразное проведеніе вотяками началъ, которыя разсматриваются въ поставленныхъ нами вопросахъ.

Родовой шалашъ (будзымъ куа—большой

шалашъ) вотяковъ учурскаго племени, къ которому принадлежатъ н ѣ к о т о р ы е изъ мултанцевъ, является мѣстомъ, гдѣ кровь нищаго обагрила, по мнѣнію обвиненія, очагъ божества *).

Строго говоря, достаточно одного этого факта, чтобы утверждать, что жертва въ родовомъ шалашѣ предназначается только Мудору, Воршуду большого шалаша. Природа культа означеннаго божества, представленіе о которомъ развилось подъ непосредственнымъ вліяніемъ п о ч и т а н і я п р е д к о в ъ, не оставляетъ въ этомъ отношеніи никакихъ сомнѣній.

Неужели божество, которое запрещаетъ прикасаться неумытыми руками къ цѣпи, висящей надъ очагомъ, гдѣ сжигаются приносимые ему дары, которое запрещаетъ женщинѣ вступать съ непокрытой головой внутрь своего святилища и оскорбляется на всякаго, кто рѣшится перешагнуть черезъ его очагъ, до-

*) Должно замѣтить, что вся совокупность данныхъ обвиненія такого рода, что совершенно исключаетъ возможность предположить совершеніе моленія гдѣ бы то ни было, кромѣ учурскаго шалаша, находящагося на позьмѣ бывшаго жреца этого святилища. Отвергнуть это предположеніе значитъ уничтожить значеніе данныхъ обвиненія и признать, что нищій не былъ убитъ вотяками и что, слѣдовательно, въ настоящее время не существуетъ ни одного доказательства современности человѣческихъ жертвоприношеній, которыя поэтому наука обязана рѣшительно отвергнуть.

пустить у себя въ домѣ ублаготворять кого бы то ни было, кромѣ себя самого?

Но мы не ограничимся означеннымъ соображенiемъ при доказательствѣ невозможности принесенiя въ родовомъ шалашѣ учурскаго племени жертвы какому нибудь другому божеству, а не Воршуду даннаго святилища.

Мы попытаемся выяснить, съ одной стороны, мотивы и причины, объясняющiя необходимость исключительной ревности Воршуда большого шалаша къ своему личному почитанiю, съ другой стороны, воспользуемся фактомъ, свидѣтельствующимъ о томъ, что принятое нами положенiе сознается самими вотяками.

Развившись изъ почитанiя предковъ, культъ Воршуда, уже этимъ самымъ, исключаетъ всякую возможность допустить въ мѣстѣ своего поддержанiя одновременное почитанiе какого бы то ни было другого божества.

Среди всѣхъ языческихъ божествъ „предки" являются наиболѣе требовательными къ своимъ поклонникамъ, которыми считаются ихъ живые потомки. И это вполнѣ понятно, если вспомнить, что, по убѣжденiю некультурнаго человѣка, въ частности вотяка, умершiй уноситъ съ собою въ загробную жизнь всѣ представленiя, взгляды, привычки и потребности, которыми опредѣлялись его поступки во время земной жизни.

Полная замкнутость въ предѣлахъ территоріи даннаго рода или семьи, совершенное исключеніе общенія съ чужеродцами — вотъ начало, господствующее надъ человѣкомъ, религіозное міровоззрѣніе котораго подчинено требованіямъ родовой или семейной религіи. Вспомнимъ, что въ античной древности, въ основѣ общественной и религіозной жизни которой лежали начала означенной религіи, даже величайшіе философы не могли отрѣшиться отъ взгляда на иноземца, какъ на существо низшее, безправное. Аристотель, напримѣръ, утверждалъ, что варвары (т. е. не греки) по самой природѣ своей должны считаться рабами грековъ.

Подъ вліяніемъ подобнаго презрѣнія ко всему чужеродному развиваются религіозныя представленія въ періодъ господства почитанія предковъ. Самый процессъ почитанія послѣднихъ еще опредѣленнѣе исключаетъ возможность ублаготворенія въ мѣстѣ ихъ жительства кого бы то ни было, кромѣ ихъ самихъ. Предки заинтересованы въ томъ, чтобы получать постоянно для своего загробнаго существованія необходимые имъ предметы, дать эти предметы могутъ имъ лишь потомки—родственники, такъ какъ едвали кто нибудь изъ неродственниковъ пожелаетъ жертвовать чѣмъ нибудь чужому человѣку. Наконецъ, предки, могущественно вліяющіе на судьбу своихъ живыхъ

потомковъ, никогда не допустятъ, чтобы семейное или родовое имущество безнаказанно тратилось на угощеніе чужого, къ которому они, еще при своей земной жизни, относились съ презрѣніемъ, и отвращеніе къ общенію съ которымъ они завѣщали своимъ потомкамъ.

Такимъ образомъ, въ теченіе долгаго времени, такъ какъ культъ предковъ развивается при продолжительномъ господствѣ началъ родового быта (оставившаго многочисленные слѣды въ современной жизни вотяковъ), складывается привычка почитать въ мѣстѣ пребыванія предковъ лишь ихъ однихъ и считать тамъ всякую жертву не предкамъ оскорбленіемъ послѣднихъ.

Данныя и соображенія предшествующей главы указываютъ на тѣсную связь между культами предковъ и Воршуда, отсюда заключаемъ къ тому, что въ культѣ послѣдняго должны были отразиться основныя начала религіи, исторически развившейся подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій жизни.

Это предположеніе подтверждается еще и тѣмъ, что, по представленію вотяковъ, божество, которому приносится жертва, лично присутствуетъ на моленіи. Въ этомъ отношеніи вотяки, какъ и многіе другіе языческіе народы, смотрятъ на совершеніе жертвоприношенія,

какъ на торжественый праздникъ, въ которомъ божество принимаетъ непосредственое участіе.

Описаніе поминокъ, на которомъ мы уже останавливали вниманіе читателя, дастъ намъ прекрасный матеріалъ для констатированія означеннаго положенія. Но въ этнографической литературѣ о вотякахъ имѣются свѣдѣнія о томъ, что личное присутствіе божества во время жертвоприношенія сознается вотяками и относительно моленій не только предкамъ, но и другимъ божествамъ.

„Приходите вмѣстѣ съ нами ѣсть—пить, о Инмаръ-Кылдысинъ, Квазь *) и ты, Кузьма Демьянъ! Кушайте, о Инмаръ-Кылдысинъ и Квазь, Кузьма—Демьянъ“! говорится въ одной изъ молитвъ, записанныхъ г. Первухинымъ. При нѣкоторыхъ жертвоприношеніяхъ наблюдаются такіе же проводы присутствовавшаго тутъ божества, какіе наблюдаются часто во время вотяцкихъ поминокъ. Существованіе указаннаго обряда „проводовъ“ подтверждается въ этнографической литературѣ г. Верещагиномъ и авторомъ настоящей статьи. Но

*) Въ нашей статьѣ о рел. предст. вотяковъ мы приводимъ соображенія, по которымъ считаемъ Квазя и Инмара названіями одного и того же понятія. По крайней мѣрѣ, выраженія: „Квазь зоре“ и „Инмаръ зоре“ одинаково обозначаютъ „идетъ дождь“. Интересно сравнить эти выраженія съ Ζεὺς ὕει и Iuppiter pluit.

окончанiи жертвоприношенiя, разсказываетъ г. Верещагинъ, происходитъ торжественное удаленiе жрецовъ съ костями, лоскутьями и мелкою монетою, собранными въ лукошко, въ глубь лѣса. По возвращенiи оттуда, жрецы встрѣчаются вопросомъ: „Ну, какъ провожали“? „Хорошо“, отвѣчаютъ они.—„Что сказали“?—„Говорили, что будемъ жить хорошо“. Аналогичный обрядъ, записанный нами, совершается при жертвоприношенiи Keреметю. И въ этомъ случаѣ жрецы въ сопровожденiи нѣсколькихъ человѣкъ удаляются для проводовъ божества, при чемъ, возвращаясь обратно, поютъ: „Добрый начальникъ принялъ нашу жертву, обѣщался исполнить наши молитвы“.

Для насъ, конечно, особенно важно отмѣтить сознанiе вотяками личнаго присутствiя Воршуда большого шалаша во время совершаемыхъ ему жертвоприношенiй. Слѣдующiй фактъ даетъ возможность сдѣлать это. Къ передней стѣнѣ большого шалаша, противъ очага, вотяки, иногда, придѣлываютъ вертикально поставленное бревно, называемое „пуконъ мудоръ“—сидѣнiе Мудора (Воршуда). Если поклонники божества устраиваютъ для него сидѣнiе, о. : вѣруютъ въ то, что оно лично присутствуе ь при ихъ моленiи. Неужели же родовое бо: .е ство, присутствующее на моленiи своихъ единоплеменниковъ (объ этомъ ниже), допу-

стить, чтобы при этомъ чествовалось не оно, а другое божество?

Это невозможно, что также сознается вотяками, какъ это видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго обычая. Пріемный сынъ строитъ, по большей части, на дворѣ своихъ пріемныхъ родителей святилище для Воршуда своей кровной семьи*). При этомъ необходимо задобрить жертвою Воршуда принимающей семьи, безъ чего послѣдній можетъ и не ужиться съ вновь „приведеннымъ Воршудомъ", что вполнѣ понятно, такъ какъ на всемъ пространствѣ, занимаемомъ владѣніями племени, рода, семьи, Воршудъ полный владыка и можетъ требовать, чтобы культъ его поддерживался именно въ данномъ мѣстѣ.

Намъ извѣстенъ, напримѣръ, фактъ, рисующій отношеніе Воршуда къ мѣсту своего почитанія. Въ интересахъ одного племени было перенести родовой шалашъ съ земли родового жреца Хар. М. на другое мѣсто (большинству членовъ даннаго племени было слишкомъ далеко ходить на моленія). Святилище перенесли, и затѣмъ вотяки стали замѣчать, что на нихъ посыпался рядъ несчастій. Они обратились тогда къ шаману, который и объявилъ, что новое мѣсто не нравится Вор-

---

*) Мы уже указывали на аналогію между культомъ родового и семейнаго шалашей.

шуду (Мудору) и онъ желаетъ оставаться въ своемъ прежнемъ святилищѣ.

Совокупность всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами данныхъ даетъ право выставить слѣдующее положенiе: Въ родовомъ или семейномъ шалашѣ нельзя совершать жертвоприношенiя никому, кромѣ Воршуда, котораго оскорбитъ всякая другая жертва.

Въ частности, въ отношенiи къ дѣлу мултанцевъ, это положенiе дастъ намъ право утверждать, что, если бы нищiй былъ „замоленъ" вотяками, то его принесли бы въ жертву Воршуду (Мудору) учурскаго племени *).

---

*) Г. Поплавскiй указываетъ на то, что въ настоящее время ослабла родовая религiя, а, слѣдовательно, теперь возможна въ родовомъ шалашѣ жертва не Воршуду. Факты, на которые мы ссылаемся въ нашей статьѣ свидѣтельствуютъ о сознанiи вотяками требованiи родовой религiи. Мы отсылаемъ, наконецъ, г. Поплавскаго къ работамъ этнографовъ, на которыя онъ самъ ссылается, и онъ убѣдится тогда, что и Смирновъ, и Верещагинъ сообщаютъ о Воршудѣ (Мудорѣ) данныя, вполнѣ подтверждающiя нашъ взглядъ. Полагаемъ, что и г. Поплавскому слѣдовало бы подкрѣпить свое положенiе фактами, такъ какъ его единственное указанiе на то, что въ родовомъ шалашѣ была принесена однажды жертва Инмару, только лишнiй разъ свидѣтельствуетъ о его неумѣнiи обращаться съ матерiаломъ. Тутъ, какъ и въ большинствѣ случаевъ, вотяки употребили слово инмаръ въ значенiи нарицательнаго имени „богъ", не желая, вѣроятно, въ подробностяхъ знакомить г. Поплавскаго съ культомъ своихъ божествъ. Научные

Дальнѣйшія наши замѣчанія будутъ направлены къ тому, чтобы доказать, что Воршуду (Мудору) учурскаго племени могутъ совершать жертвоприношеніе, т. е. приготовлять жертву, рѣзать ее, произносить молитвы, совершать возліяніе на огонь и бросать туда пищу, лишь пожизненные жрецы божества, обитающаго въ родовомъ шалашѣ учурскаго племени. Равнымъ образомъ, присутствовать на означенномъ моленіи могутъ лишь лица, принадлежащія къ учурскому роду.

„Вотяки и въ настоящее время убѣждены,

же методы изслѣдованія названнаго автора нами уже были охарактеризованы. Знакомство съ ними даетъ возможность понять, почему онъ считаетъ Инмара, какъ личнаго бога, тѣмъ языческимъ духомъ, который могъ принять себѣ человѣческую жертву, а не тѣмъ святымъ, чистымъ духомъ, который, по мнѣнію вотяка, поднавшаго подъ вліяніе христіанства, разсѣеваетъ весь сонмъ языческихъ божковъ. Вѣдь это высокое значеніе Инмара, одухотвореннаго подъ вліяніемъ христіанства, отмѣчено г. Смирновымъ, на авторитетность котораго ссылается Поплавскій. Еще существеннѣе для насъ предположеніе „этнографа" С.-Петербургскихъ Вѣдомостей относительно Кереметя и Актана, которыхъ онъ также считаетъ способными принять человѣческую жертву. Связь культа Кереметя съ родовой религіей была уже указана и, слѣдовательно, для г. Поплавскаго вновь возникаетъ трудная задача доказать возможность при господствѣ началъ родовой религіи принесенія жертвы при полномъ игнорированіи самыхъ существенныхъ требованій ритуала.

писали мы несколько лѣтъ тому назадъ, что разныя племена молятся своимъ божествамъ различнымъ образомъ, а эти послѣднія принимаютъ лишь тѣ моленія, которыя совершены по обрядамъ покровительствуемаго ими племени".

Въ этомъ отношеніи весьма характеренъ слѣдующій фактъ. Одинъ вотякъ изъ племени Юсь молился своему божеству, какъ это принято у племени Имъезъ; допущено это было лишь на томъ основаніи, что онъ обучилъ свое божество принимать такія моленія, которыя совершаются у племени Имъезъ". Умѣть совершать моленіе обрядомъ даннаго племени необходимо и это рельефно сказывается въ обычаѣ, запрещающемъ дѣвушкамъ принимать участіе въ жертвоприношеніи Воршуду, такъ какъ онѣ, по словамъ вотяковъ, впослѣдствіи уйдутъ въ другой домъ *).

Вотяки несомнѣнно сознаютъ необходимость имѣть жрецовъ, угодныхъ самому Воршуду такъ какъ въ случаѣ продолжительныхъ несчастій, обуревающихъ данный родъ или семью, прежніе жрецы слагаютъ съ себя званіе, если шаманъ (туно) объявитъ, что Воршудъ недо-

*) Сопоставивъ это свѣдѣніе съ подобнымъ же относительно участія женщинъ въ совершеніи поминокъ, мы еще разъ получимъ возможность убѣдиться въ той крѣпкой связи, которая существуетъ между культомъ Воршуда и предковъ.

воленъ своими жрецами и требуетъ себѣ новыхъ.

Эти умѣнье и способность опредѣленныхъ лицъ удовлетворять потребности и желанія своего родного божества проливаютъ яркій свѣтъ на слова вотяковъ о томъ, что „Воршудъ за членомъ своей семьи пойдетъ всюду и нигдѣ не отстанетъ". Установленная такимъ образомъ связь между родовымъ и семейнымъ божествами, съ одной стороны, и отдѣльными членами означенныхъ общественныхъ организацій, даетъ намъ возможность перейти къ вопросу о лицахъ, присутствующихъ на моленіяхъ Воршуду.

Здѣсь вполнѣ умѣстно указать данныя, свидѣтельствующія объ участіи лишь единоплеменниковъ въ моленіяхъ и при совершеніи обрядовъ, связанныхъ съ культомъ Воршуда большого шалаша. Такъ, напримѣръ, при уходѣ части жителей деревни на новое мѣстожительство, уходящіе берутъ съ собою при соблюденіи опредѣленныхъ обрядовъ, золу изъ очага родового шалаша. Передъ тѣмъ какъ приступить къ совершенію этихъ обрядовъ, вотяки, какъ уходящіе, такъ и остающіеся въ теченіе цѣлаго дня пируютъ, но въ пиршествѣ принимаютъ участіе только одни единоплеменники Насколько велика связь племени съ родовымъ шалашомъ, можно заключить изъ того обстоятельства, что, если въ семьѣ имѣется „пріе-

мышъ", родившійся въ другомъ племени, то онъ ходитъ на „моленія" въ родовой шалашъ своего родного Воршуда, хотя бы это святилище находилось въ другой деревнѣ.

Мы уже достаточно часто указывали на сходство культовъ родовыхъ и семейныхъ шалашей, а потому и считаемъ себя вправѣ воспользоваться для доказательства нашей мысли объ участіи въ культѣ Воршуда лишь единоплеменниковъ, слѣдующими словами вотяковъ, которыя намъ приходилось очень часто слышать въ Сарапульск. у. „Молиться одному и тому же Воршуду могутъ лишь члены семьи, соединенные кровнымъ родствомъ, такъ что пріемный зять, пріемный сынъ, мужъ, женатый на вдовѣ—всѣ они должны принести своего Воршуда, въ противномъ случаѣ имъ придется жить на счастье принявшей ихъ семьи" *).

Совокупность разсмотрѣнныхъ нами фактовъ дѣлаетъ излишнимъ экскурсы въ область историко-сравнительнаго освѣщенія вопроса для опредѣленія тѣхъ мотивовъ, которыми руководятся вотяки, требуя участія при почита-

*) Небезполезно напомнить слѣдующее мѣсто изъ отчета о мултанскомъ дѣлѣ. Допрашивается свидѣтель Титовъ, жрецъ въ кереметѣ. Вопр. Ну, вотъ у васъ два шалаша: учурскій и будлуцкій? Отв. Учурскій у Мосея, будлуцкій у Степана. Вопр. Будлуцкій можетъ идти въ Учурскій. Отв. Нѣтъ. Вопр. И учурскій не можетъ идти въ будлуцкій? Отв. Нѣтъ, будлуцкій не ходитъ къ Моисею

нія Воршуда постоянныхъ жрецовъ и присутствія лишь единоплеменниковъ. Мотивы эти ярко освѣщаются вышеприведенными данными религіознаго быта вотяковъ. Каждое племя выработало свой собственный способъ умилостивлять своего покровителя Воршуда; надо сжиться съ обрядами, употребляемыми въ данномъ племени: долговременное участіе въ моленіяхъ даетъ возможность представителямъ племени проникнуться духомъ этихъ обрядомъ, понять ихъ смыслъ; надо пріучить божество къ поклонникамъ, каковые пріятны ему лишь потому, что они выросли, развились подъ его покровительствомъ,—таковы заключенія, которыя мы можемъ вывести изъ разсмотрѣнныхъ фактовъ.

Заключенія эти вполнѣ совпадаютъ съ изученіемъ факторовъ, обусловливающихъ развитіе культа Воршуда. Возникнувъ еще въ эпоху господства культа предковъ, онъ, конечно, развивался въ ограниченныхъ союзахъ, въ отдѣльныхъ родахъ, жившихъ совершенно изолированно другъ отъ друга. Въ предѣлахъ этихъ союзовъ устанавливался свой собственный обрядъ, непонятный и неизвѣстный „чужимъ", даже сосѣдямъ, съ которыми, по большей части, были лишь враждебныя столкновенія. Наконецъ, умиравшіе члены рода, сами становившіеся, какъ уже неоднократно указывалось, божествами, конечно, могли принимать

себѣ моленія, совершавшіяся лишь обрядомъ доступнымъ ихъ пониманію, сложившемуся въ періодъ ихъ жизни на землѣ. При такихъ обстоятельствахъ исторически сложились представленія, которыя опредѣляютъ ограниченіе религіознаго культа кругомъ единоплеменниковъ и которыя, перенесенныя въ другую эпоху, современную намъ, являются для правовѣрнаго вотяка священнымъ завѣтомъ старины, при соблюденіи котораго жили и благоденствовали его отцы и дѣды.

На основаніи всего сказаннаго мы слѣдующимъ образомъ формулируемъ наше второе положеніе: Въ родовомъ или семейномъ шалашѣ могутъ молиться лишь единоплеменники при участіи жрецовъ, выбранныхъ на продолжительное время самимъ божествомъ изъ числа лицъ, принадлежащихъ къ данному племени.

Обвинители мултанцевъ указываютъ факты, которые совершенно противорѣчатъ принятому нами положенію. Они говорятъ объ участіи въ предполагаемомъ ими преступленіи лицъ, не принадлежащихъ къ учурскому племени, и, наконецъ, они говорятъ, что нищаго зарѣзалъ не пожизненный жрецъ Воршуда учурскаго большого шалаша. Мало того, по мнѣнію обвинителей, лицо, рѣзавшее нищаго, получило за эту услугу деньги. Все это такое грубое нарушеніе требованій культа, что, по вышеизложе-

нымъ основаніямъ, должно быть отвергнуто, какъ стоящее въ прямомъ противорѣчіи съ религіозными воззрѣніями вотяковъ.

Итакъ, въ большомъ шалашѣ Воршуда учурскаго племени не могли присутствовать для моленія чужеродцы и не могли совершать жертвоприношеніе вотяки, не состоявшіе до тѣхъ поръ жрецами учурскаго Воршуда. Этого не моло быть, такъ какъ каждый вотякъ понимаетъ, что слѣдствіемъ подобнаго пренебреженія культа будетъ оскорбленіе самаго могущественнаго и сильнаго божества, отъ благоволенія котораго зависитъ счастіе и благоденствіе молящихся.

Одинъ изъ изслѣдователей вотяковъ, наблюдавшій ихъ бытъ еще въ прошломъ столѣтіи, Рычковъ, разсказываетъ весьма существенный для дальнѣйшаго развитія нашихъ положеній случай, бывшій съ нимъ лично.

Увидя дощечку, прикрѣпленную къ стѣнной полкѣ и обложенную травой, Рычковъ хотѣлъ взять ее въ руки, чтобы ближе разсмотрѣть. Хозяева вотяки, замѣтивъ это, воспрепятствовали привести его намѣреніе въ исполненіе, набросившись на него съ большимъ неудовольствіемъ. На вопросъ Рычкова о причинѣ ихъ гнѣва и ужаса, былъ данъ слѣдующій отвѣтъ: „Сіе есть одно изъ первенствующихъ вещей, нами обожаемыхъ, и то самое, которое называемъ мы Модоромъ или богомъ хра-

нителемъ домовъ нашихъ: и естьли коснется имъ рука не только инозаконныхъ, но и тѣхъ самыхъ, которые ихъ обожаютъ, то непремѣнно покой семейства моего и самое благополучие наше разрушится какимъ нибудь несчастливымъ случаемъ". Это свидѣтельство Рычкова въ связи съ изложеннымъ выше дастъ намъ возможность принять третье положеніе, касающееся послѣдствий присутствія иноплеменниковъ для моленія Воршуду большого шалана. Родовое божество вотяковъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ оскорбиться присутствіемъ иноплеменниковъ, а эти послѣдніе ни при какихъ обстоятельствахъ не могутъ воспользоваться милостью Воршуда чужого племени.

Мы намѣренно указываемъ на то, что родовое божество въ нѣкоторыхъ случаяхъ будетъ разгнѣвано присутствіемъ инородцевъ. Дѣло въ томъ, что историко-сравнительное изслѣдование означеннаго вопроса несомнѣнно привело бы къ признанію возможности гнѣва Воршуда и вообще на всякий фактъ присутствія иноплеменниковъ, но мы сознательно уклонялись до сихъ поръ отъ пользованія въ широкихъ размѣрахъ историко-сравнительнымъ методамъ, стараясь доказывать всѣ наши положения лишь данными этнографіи вотяковъ Продолжая придерживаться разъ намѣченнаго плана, употре-

бляемъ въ вышеприведенномъ положенiи слова: „въ нѣкоторыхъ случаяхъ“, такъ какъ не располагаемъ въ числѣ свѣдѣнiй о вотякахъ такими фактами, которые дали бы возможность распространить наше положенiе рѣшительно на всякое, даже не для участiя въ моленiи, присутствiе иноплеменника въ родовомъ шалашѣ.

Что же это за случаи, которые вызываютъ неизбѣжный гнѣвъ Воршуда противъ иноплеменниковъ? Мы познакомились съ указанiемъ Рычкова на то, что покой семейства вотяка будетъ нарушенъ, если „рука иназаконныхъ прикоснется“ къ одной изъ святынь родового или семейнаго шалаша. Сопоставляя это съ тѣмъ, что уже говорилось о гнѣвѣ Воршуда за неумѣстное прикосновенiе къ цѣпи, висящей надъ очагомъ, и т. п., можно съ большимъ основанiемъ предполагать, что участiе иноплеменниковъ въ моленiи, гдѣ неизбѣжны и прикосновенiя къ святынямъ, и непосредственное общенiе съ божествомъ, необходимо должно оскорбить Воршуда. Вотъ почему мы и утверждаемъ, что предполагаемое обвинителями участiе вотяковъ будлуцкаго племени при моленiи въ святилищѣ учурскаго племени не могло быть въ дѣйствительности, такъ какъ, зная, что учурское божество ничего рѣшительно не сдѣлаетъ для ихъ счастья, вотяки, молящiеся будлуцкому Воршуду, рисковали, что Воршудъ учурскаго божества разгнѣвается

на нихъ и жестоко отомститъ. Въ литературѣ о вотякахъ есть данныя, свидѣтельствующія о сознаніи вотяками того, что пренебреженіе къ святости куалы (шалаша) влечетъ за собою наказаніе не только иноплеменниковъ, но даже и иновѣрцевъ. *)

Итакъ, фактъ присутствія въ учурскомъ шалашѣ вотяковъ будлуцкаго племени (причемъ, какъ утверждаютъ обвинители, къ таковому принадлежитъ большинство изъ обвиняемыхъ) невозможенъ и заставляетъ отнестись отрицательно ко всѣмъ даннымъ, рисующимъ внѣшнюю обстановку предполагаемаго жертвоприношенія. **)

Участіе будлуцкихъ вотяковъ тѣмъ болѣе невозможно, что они, если даже, являясь простыми зрителями жертвоприношенія, и надѣялись избѣжать гнѣва учурскаго Воршуда, не получили бы, тѣмъ не менѣе, для себя лично никакой выгоды отъ этого жертвоприношенія, такъ какъ Воршудъ божество, дарующее свои милости исключительно представителямъ своего родного племени.

Послѣднее обстоятельство важно для насъ въ томъ отношеніи, что будлуцкіе вотяки не

*) Островскій. Тр. Каз. Общ. Ест. Т. IV № 1, стр. 23.

**) Выше мы указывали на то, что отвергнуть предполагаемую внѣшнюю обстановку значитъ отвергнуть фактъ существованія доказательства современности человѣческихъ жертвоприношеній.

могли бы допустить совершенія жертвоприношенія, вызваннаго якобы безчисленными бѣдствіями всей деревни, въ учурскомъ шалашѣ. Допуская это, будлуцкіе вотяки ограничиваютъ помощь бога только небольшимъ кругомъ лицъ, а сами остаются въ прежнемъ положеніи. Наличность подобнаго альтруизма у вотяковъ, какъ и у какого бы то ни было другого народа, немыслима.

Въ тоже время учурскіе вотяки, рѣшившись принести въ жертву своему Воршуду нищаго, сдѣлали бы все, чтобы избѣжать присутствія чужеродцевъ, такъ какъ, прося божество объ избавленіи отъ несчастій, насылаемыхъ на нихъ за неисполненіе стародавнихъ обычаевъ, они не станутъ допускать того, что стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ культомъ ихъ Воршуда. Они, какъ и всѣ другіе вотяки, постоянно помнятъ, что счастіе и благоденствіе семьи всецѣло зависятъ отъ этого божества.

Лишиться Воршуда значитъ, по мнѣнію вотяковъ, лишиться счастія. „Иди съ нами, Воршудъ большого шалаша, иди съ нами для нашего счастія! Даруй намъ тоже счастье, съ которымъ мы жили въ старой деревнѣ", такъ молятся вотяки, уходя всѣмъ племенемъ (въ составѣ нѣсколькихъ семей молящихся въ одномъ и томъ же родовомъ шалашѣ) на жительство въ новую мѣстность. Неужели же при такомъ значеніи этого божества учурскіе

Съ набр. В. Г. Короленко

Большой шалашъ вотяковъ учурскаго племени въ с. Мултанѣ.

вотяки не сдѣлали бы всего, чтобы, удовлетворяя жертвою Воршуда, ничѣмъ не оскорбить своего „хранителя счастья".

Мы уже упоминали выше, что, по мнѣнію вотяковъ, пріемные сынъ, и зять, если не принесутъ своего Воршуда, должны жить на счастье принявшей ихъ семьи, котораго не всегда хватаетъ на нихъ. Едва ли будлуцкіе вотяки (если даже допустить возможность аналогіи между приведеннымъ примѣромъ и мултанскимъ дѣломъ) рѣшились жить на счастье учурскаго племени. Равнымъ образомъ, трудно предположить, чтобы учурскіе вотяки согласились уступить своимъ однодеревенцамъ часть счастья, повидимому, отмѣреннаго имъ въ очень скудныхъ размѣрахъ, если они, по мнѣнію обвинителя, рѣшились возобновить обычай, господствовавшій лишь много вѣковъ тому назадъ.

Итакъ, изученіе мултанскаго дѣла въ свѣтѣ этнографическихъ данныхъ даетъ намъ возможность утверждать, что принесенія въ жертву нищаго не было и, что, слѣдовательно, относительно вотяковъ въ настоящее время нѣтъ доказательства существованія человѣческихъ жертвоприношеній.

IV.

Лица, защищающія современное существованіе человѣческихъ жертвоприношеній, обра-

щаютъ особое вниманіе на внѣшній видъ трупа нищаго. Зачѣмъ было совершать убійство этого человѣка, ничтожное и скудное имущество котораго оказалось при немъ, куда дѣвалась голова нищаго, гдѣ его сердце и легкія? Таковы вопросы, предлагаемые противниками вотяковъ, на которые они же отвѣчаютъ слѣдующимъ образомъ: единственный мотивъ для убійства означеннаго нищаго—это „принесеніе его въ жертву вотскимъ богамъ".

Въ нашу задачу, конечно, не входитъ разсмотрѣніе тѣхъ причинъ, которыя вызвали убійство нищаго. Мы не задаемся также цѣлью отстаивать предположеніе о совершенно естественной смерти нищаго, страдавшаго, какъ извѣстно, падучей болѣзнью, хотя, конечно, допускаемъ полную возможность подобной естественной смерти больного усталаго и измученнаго старика. Уголовныя хроники полны описаніемъ многихъ загадочныхъ преступленій, бывшихъ въ дѣйствительности или опровергнутыхъ впослѣдствіи, и къ изученію этихъ хроникъ слѣдуетъ отослать лицъ, рѣшающихся на основаніи одних только внѣшнихъ признаковъ найденнаго трупа придти къ заключенію о томъ, что вотяками с. Мултана, была принесена своимъ языческимъ богамъ (?) человѣческая жертва.

Въ литературѣ, какъ извѣстно, за послѣднее время появилось не мало статей, посвя-

щенныхъ мултанскому дѣлу, изъ которыхъ наиболѣе содержательны статьи В. Г. Короленко. Страстное желаніе открыть истину въ этомъ дѣлѣ, громадный талантъ и неутомимая энергія нашего извѣстнаго писателя, дали ему возможность собрать не мало существенныхъ фактовъ, съ большою очевидностью доказывающихъ, что мы имѣемъ дѣло съ симуляціей жертвоприношенія.

Данныя эти касаются не столько этнографической стороны дѣла, сколько фактической. Но несомнѣнно, что мысль В. Г. Короленко о симуляціи жертвоприношенія *)

*) Проф. Смирновъ, критикуя взглядъ Короленко на дѣло мултанскихъ вотяковъ, высказываетъ мнѣніе о томъ, что, если существуетъ симуляція человѣческихъ жертвоприношеній, то тѣмъ самымъ доказано и ихъ реальное существованіе. „Если г. Короленко,—утверждаетъ почтенный профессоръ,—докажетъ свое предположеніе (о симуляціи), то частное дѣло 7 вотяковъ будетъ несомнѣнно выиграно; но вотяки вообще, вотскій культурный типъ, русскій культурный типъ... окажутся отъ этого не въ авантажѣ: симулируется лишь то, что существуетъ въ дѣйствительности (!)" („Дѣятель", № 1, стр. 47). Эти слова только лишній разъ показываютъ, до какихъ странныхъ утвержденій можетъ дойти человѣкъ, желающій, во что бы то ни стало, доказать свою излюбленную мысль. Подобно тому какъ, пользуясь пріемами „сравнительнаго метода" проф. Смирнова, можно доказать современность человѣческихъ жертвоприношеній рѣшительно у всякаго народа, подобно этому разсужденіе того же

находитъ себѣ подтвержденіе и въ изученіи обстоятельствъ мултанскаго дѣла съ точки зрѣнія научныхъ этнографическихъ свѣдѣній.

Извѣстно, что для жертвоприношенія своимъ богамъ вотяки считаютъ необходимымъ принести голову, сердце, легкія и печень. Эта послѣдняя оказалась найденною въ трупѣ нищаго. Непонятно, почему вотяки, считающіе печень, какъ это признаетъ и проф. Смирновъ, необходимою для принесенія въ жертву, на этотъ разъ рѣшили не брать ее, взявъ легкія и сердце. Единственное объясненіе этого факта—симуляція жертвоприношенія.

Затѣмъ, возникаетъ вопросъ о томъ, куда дѣвалась голова убитаго нищаго. Она, какъ справедливо указываетъ обвинитель и какъ говорятъ эксперты этнографы, необходима для жертвы божеству. Но, равнымъ образомъ, необходимо считаться и съ другимъ даннымъ, самымъ положительнымъ образомъ установленнымъ этнографическими наблюденіями. Мы имѣемъ въ виду то обстоятельство, что голова всегда зарывается на томъ мѣстѣ, гдѣ совершено жертвоприношеніе. Краснорѣчи-

---

г. Смирнова о значеніи симуляціи, какъ основанія для констатированія современности и реальности какого бы то ни было явленія, даетъ возможность примѣнительно ко всѣмъ народамъ и временамъ доказать все, что доступно симуляціи, хотя бы только на основаніи темной народной молвы.

вымъ доказательствомъ этого факта, уже давно извѣстнаго въ литературѣ, служитъ костякъ головы быка, найденный зарытымъ въ шалашѣ учурскаго племени, гдѣ четыре года тому назадъ въ жертву Воршуду былъ принесенъ быкъ.

Обычай зарывать въ землю кости именно на томъ мѣстѣ, на которомъ совершается жертвоприношеніе, вполнѣ понятенъ. Вотякъ, какъ и всякій другой некультурный человѣкъ, находящійся подъ вліяніемъ языческихъ представленій, твердо вѣруетъ, что божество обитаетъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ совершается ему моленіе. Вотъ этому то самолично присутствующему божеству и зарываютъ въ землю тѣ части жертвы, которыя остаются не съѣденными и не сожженными.

Происхожденіе обычая зарывать часть жертвы можетъ быть объяснено необходимостью, сохранивъ ее отъ дикихъ животныхъ, предоставить божеству должную ему долю впослѣдствіи, когда оно пожелаетъ ею воспользоваться.

Не смотря на самые тщательные розыски, въ учурскомъ шалашѣ не отыскано головы нищаго, гдѣ она необходимо должна бы находиться, если бы жертвоприношеніе было совершено въ этомъ святилищѣ. Такое отсутствіе головы въ мѣстѣ, къ которому, по всѣмъ даннымъ обвиненія, пріурочивается совершеніе

предполагаемаго жертвоприношенія, является вторымъ доказательствомъ симуляціи. Очевидно, что лицо, отрѣзавшее голову у трупа, не могло зарыть ее въ шалашѣ на позьмѣ Моисея Дмитріева.

Наконецъ, мы имѣемъ въ данныхъ дѣла мултанцевъ еще одинъ фактъ, наличность котораго оправдываетъ и доказываетъ мысль о симуляціи жертвоприношенія.

Это послѣднее, въ моментъ своего совершенія, несомнѣнно должно было считаться вотяками за праздникъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, бываетъ на всѣхъ тѣхъ жертвоприношеніяхъ, которыя дѣйствительно совершаются вотяками. Оно и понятно: взглядъ на жертвоприношеніе, какъ на праздникъ, сопровождающійся весельемъ, необходимо вытекаетъ изъ сознанія личнаго присутствія божества среди своихъ поклонниковъ. Такое личное присутствіе должно быть почтено весельемъ и пирушкой. Укажемъ на отношеніе вотяковъ къ покойнымъ предкамъ во время поминокъ, отношеніе прекрасно объясняющее взглядъ вотяка на обязанности лица, совершающаго жертвоприношеніе своимъ духамъ покровителямъ.

Мы не помнимъ ни одного „моленія" изъ числа тѣхъ, на которыхъ пришлось присутствовать, гдѣ бы не происходило веселаго пиршества.

Если обратиться къ даннымъ литературы,

то и тутъ придется констатировать тотъ фактъ, что жертвоприношеніе есть праздникъ. Обыкновенно на каждое жертвоприношеніе женщины приносятъ кумышку, которую ихъ семейные тутъ же, послѣ того какъ жрецы совершатъ возліяніе на огонь, выпиваютъ. Само собою разумѣется, что, подъ вліяніемъ этого вина, веселье принимаетъ довольно шумный характеръ. Въ дер. Пуиемъ, гдѣ намъ пришлось наблюдать моленіе въ родовомъ шалашѣ, праздникъ продолжался и на слѣдующій день, при чемъ въ избѣ родового жреца совершалось благословеніе кумышки, которая въ тотъ же день потреблялась вотяками, предававшимися полному разгулу.

Допустить, что принесеніе въ родовомъ шалашѣ человѣческой жертвы обошлось безъ празднованія этого дня—невозможно, между тѣмъ въ ночь предполагаемаго жертвоприношенія въ Мултанѣ находился становой приставъ, которымъ не было замѣчено праздничное настроеніе мултанцевъ. Отсутствіе подобнаго празднованія можно объяснить лишь тѣмъ, что въ селѣ Мултанѣ вечеръ и ночь съ 4 на 5 мая 1892 г. ничѣмъ особеннымъ не отличались.

Въ связи съ сказаннымъ стоитъ вопросъ о числѣ лицъ, участвовавшихъ на предполагаемомъ моленіи Воршуду учурскаго большого шалаша. Если на этомъ моленіи не мог-

ли присутствовать члены будлуцкаго племени, то учурскіе вотяки необходимо должны собраться всѣ въ шалашъ своего родного племени. Замѣтимъ, что женщины (жены) всегда принимаютъ участіе въ моленіяхъ Воршуду*), а потому число вотяковъ, присутствовавшихъ въ шалашѣ въ злополучную ночь предполагаемаго убійства нищаго, должно было быть довольно велико.

Мы высказываемъ предположеніе о необходимости присутствія всѣхъ единоплеменниковъ на жертвоприношеніи Воршуду учурскаго шалаша по слѣдующимъ основаніямъ.

Во первыхъ, этого требуетъ взглядъ вотяка на Воршуда, игнорировать почитаніе котораго онъ никогда не рѣшится.

Во вторыхъ, это обусловливается взглядомъ на отношеніе божества къ своимъ поклонникамъ. Степень благоволенія божества прямо пропорціональна степени почитанія, которымъ оно пользуется отъ своихъ поклонниковъ.

Нижеслѣдующее свѣдѣніе касается не родо-

---

*) Жены жрецовъ родового шалаша необходимо должны участвовать въ моленіи, находясь во главѣ женщинъ. Напомнимъ, что неженатый или овдовѣвшій вотякъ не можетъ быть жрецомъ Воршуда. Участіе женщинъ въ моленіяхъ Воршуду, повидимому, признается и мултанскими вотяками; по крайней мѣрѣ, въ показаніи умершаго вотяка Моисея Дмитріева мы читаемъ, что передъ моленіемъ въ шалашѣ земля подметается хозяйкой жреца этого шалаша.

вого моленія, а общественнаго, въ которомъ участвовали не только единоплеменники, но всѣ вообще однодеревенцы. Тѣмъ не менѣе мы считаемъ возможнымъ по отношенію къ степени благоволенія божества къ своимъ поклонникамъ сообразно съ количествомъ усердія послѣднихъ допустить полную аналогію между означенными видами моленій. „У насъ обязательно артель, говорилъ намъ одинъ изъ вотяцкихъ жрецовъ, мы вѣдь молимся за всѣхъ, кто заплатилъ (далъ деньги на покупку жертвы), коли же кто больше дастъ, то богъ дастъ ему больше счастья, а этого мы не хотимъ". Какъ бы въ доказательство этого положенія, почти немедленно послѣ этого разговора, мы записали слѣдующее. Одинъ изъ вотяковъ обратился съ просьбою дать нѣсколько денегъ на покупку жертвы. Когда было исполнено его желаніе, между жрецами поднялся страшный споръ, „Отъ него нельзя брать, говорилъ старшій жрецъ, Кылчинъ дастъ крылья и онъ унесетъ наше счастье".

Вотъ это артельное начало, съ одной стороны, и вѣра въ то, что божество награждаетъ своихъ поклонниковъ, сообразуясь со степенью ихъ вниманія къ себѣ, обусловливаютъ необходимость присутствія въ учурскомъ шалашѣ всѣхъ вотяковъ учурскаго племени. Никто изъ нихъ не рѣшился бы отказаться

отъ благихъ послѣдствій жертвоприношенія и никто изъ нихъ не рѣшился бы оскорбить своего Воршуда, „хранителя своего счастія", невниманіемъ.

Но трудно допустить, что на предполагаемомъ жертвоприношеніи было такъ много народа. Обвиненіе не распространяется на цѣлый рядъ учурцевъ, участіе которыхъ тѣмъ легче доказать, что вотяки будлуцкаго племени не замедлили бы сообщить о весьма многихъ, хотя бы слухи и факты, подобные тѣмъ, которыми пользуются для обвиненія заподозрѣнныхъ подсудимыхъ.

Несомнѣнно, что вотяки будлуцкаго племени не могли бы отнестись безразлично къ факту принесенія учурскими вотяками человѣческой жертвы.

Отсутствіе въ учурскомъ шалашѣ большого числа поклонниковъ учурскаго Воршуда въ ночь убійства ничего не могло, конечно, быть предусмотрѣно тѣмъ лицомъ, которое симулировало человѣческое жертвоприношеніе.

Весьма страннымъ является вынутіе внутренностей не черезъ грудную полость, а черезъ отверстіе шеи, послѣ того какъ голова была уже отрублена. Фактъ этотъ установленъ, между прочимъ, и извѣстнымъ спеціалистомъ по судебной медицинѣ проф. Белли-

номъ *), которымъ 8 марта сего года былъ сдѣланъ въ Харьковскомъ Обществѣ Врачей докладъ о значеніи данныхъ мултанскаго дѣла въ свѣтѣ судебной медицины. Въ литературѣ о вотякахъ намъ неизвѣстно ни одного указанія на подобный способъ добыванія внутренностей, необходимыхъ для жертвоприношеній, между тѣмъ какъ оригинальность этого способа не могла бы остаться незамѣченной изслѣдователями, записавшими обряды, значительно менѣе бросающіеся въ глаза.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что цѣлый рядъ фактовъ, устанавливаемыхъ обвиненіемъ, направленнымъ противъ мултанцевъ, будучи разсмотрѣнъ въ свѣтѣ этнографическихъ данныхъ, даетъ возможность присоединиться къ уже высказанному въ печати предположенію о томъ, что загадочное дѣло мултанскихъ вотяковъ есть грубая поддѣлка подъ ритуалъ вотяцкаго жертвоприношенія.

Повидимому, г. обвинитель вотяковъ понимаетъ невозможность примирить многіе изъ фактовъ предполагаемаго преступленія мултанцевъ съ этнографическими свѣдѣніями о вотякахъ и вслѣдствіе этого онъ обращается къ показа-

*) Проф. Беллинъ установилъ также чрезвычайно важное данное, констатирующее слишкомъ позднее вынутіе внутренностей.

нію г. Львовскаго *) о томъ, что кровь человѣческой жертвы, добытая въ одномъ мѣстѣ, служитъ для совершенія въ другомъ мѣстѣ

*) Должно замѣтить, что г. Раевскій относится съ слишкомъ большимъ довѣріемъ къ значенію фактовъ, сообщаемыхъ этимъ свидѣтелемъ, котораго при вторичномъ разсмотрѣніи дѣла г. предсѣдатель не допустилъ повторить всѣ разсказанные имъ на предварительномъ слѣдствіи слухи, такъ какъ источникъ ихъ оказался слишкомъ неопредѣленнымъ. Г. Раевскій, ссылаясь на показаніе Львовскаго, указываетъ на то, что „жертва моется", и объясняетъ этимъ обстоятельствомъ отсутствіе крови на одеждѣ нищаго. Если мы пожелаемъ провѣрить показаніе г. Львовскаго, то увидимъ, что изслѣдователи вотяцкаго быта тоже говорятъ объ обычаѣ омовенія жертвы, но это послѣднее совершается, по ихъ словамъ, до закланія, и такимъ образомъ становится совершенно непонятнымъ, какая связь существуетъ между отсутствіемъ крови на одеждѣ нищаго и обычаемъ омовенія жертвы.

„Жертву колютъ ножами—и вотъ на животѣ есть пятнышки отъ уколовъ", говорилъ обвинитель. Число этихъ „пятнышекъ", по словамъ одного изъ экспертовъ врачей, опредѣляется отъ 3 до 10, при чемъ они являются „рубцами отъ старыхъ ранъ". Подобное отношеніе къ „пятнышкамъ" врача эксперта указываетъ на полную невозможность заключать отъ ихъ существованія къ подтвержденію обычая, сомнительнаго даже для лица, сообщившаго о немъ. Мы уже говорили о томъ, что знатокъ вотяцкаго жертвеннаго ритуала С. К. Кузнецовъ категорично утверждаетъ, что вотяки не знаютъ жертвоприношеній съ мученіями жертвы. Не знаютъ ничего о подобныхъ мученіяхъ и другіе изслѣдователи вотяцкаго быта, если не считать указанія

моленія цѣлою деревнею, иногда даже нѣсколькими сосѣдними деревнями, и высказываетъ предположеніе, что кровью нищаго распорядились именно такимъ образомъ.

Предположеніе это можетъ имѣть значеніе для мултанскаго моленія лишь въ томъ случаѣ, если мы признаемъ, что все, сдѣланное до настоящаго времени многочисленными изслѣдователями вотяковъ, академиками, профессорами, извѣстными путешественниками, священниками, врачами, статистиками, учителями, лицами продолжительное время жившими среди вотяковъ, находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ ними, не заслуживаетъ довѣрія, и лишь свѣдѣнія г. Львовскаго рисуютъ истинную картину вотяцкаго религіознаго быта.

—

проф. Смирнова, при чемъ и этотъ послѣдній указываетъ на угасаніе и исключительность подобнаго обычая. Во всякомъ случаѣ, если бы онъ и былъ примѣненъ къ убійству нищаго, то трупъ послѣдняго долженъ бы совершенно покрыться ранами, такъ какъ всѣ вотяки учурскаго рода, мужчины и женщины, какъ объ этомъ уже говорилось, присутствовали бы на моленіи. Неужели же суевѣрные вотяки, знающіе о какой-то необходимости убить жертву „скономъ", „міромъ", добыть изъ нея для себя лично крови, сдѣлаютъ это такъ нѣжно и аккуратно, что оставятъ на трупѣ лишь отъ 3 до 10 небольшихъ пятнышекъ, опредѣлить происхожденіе которыхъ окажется затруднительнымъ для трехъ врачей, производившихъ на своемъ вѣку не мало вскрытій?

Въ настоящей статьѣ мы привели не малое число данныхъ, характеризующихъ взглядъ вотяка на чествованіе своихъ языческихъ боговъ и, какъ намъ кажется, эти данныя вполнѣ опредѣленно выражаютъ сознаніе того, что принесенную жертву божество, лично присутствующее въ мѣстѣ ея закланія, немедленно беретъ въ свое полное распоряженіе. На основаніи наблюденій надъ религіознымъ бытомъ вотяковъ мы старались доказать, что, если бы въ шалашѣ учурскаго Воршуда былъ зарѣзанъ нищій, то онъ поступилъ бы въ собственность означеннаго божества.

Описаніе жертвоприношенія, которое читатель найдетъ въ приложеніи къ настоящей статьѣ, наглядно показываетъ, что божество, которому принесена жертва, овладѣваетъ душою, потребляя въ пищу кровь и части тѣла этой жертвы.

Унести послѣднія, добывъ ихъ въ шалашѣ учурскаго Воршуда, чтобы затѣмъ предложить ихъ другому божеству, въ другомъ мѣстѣ *)— все равно, что завладѣть собственностью, принадлежащей могучему и грозному духу.

Въ тоже время кровь и, можетъ быть, части

*) Содержаніе настоящей статьи уже достаточно освѣтило вопросъ о томъ, что въ этомъ другомъ мѣстѣ не можетъ происходить чествованіе того же учурскаго Воршуда, въ особенности если при этомъ принимаютъ участіе „нѣсколько деревень"

тѣла, принесенныя отъ уже зарѣзанной жертвы божеству, которое не присутствовало при ея закланіи, не могутъ доставить вотякамъ расположеніе послѣдняго. Оно непремѣнно потребуетъ себѣ душу зарѣзанной жертвы, находящуюся во владѣніи божества того мѣста или святилища, гдѣ происходило закланіе. Въ монографіи проф. Смирнова мы имѣемъ факты, свидѣтельствующіе о вѣрованіи вотяковъ въ то, что душа принесенной жертвы поступаетъ божеству или духу, которому предназначалась эта жертва. Почтенный профессоръ указываетъ на то, какъ одного вотяка, которому, по ошибкѣ, считая его умершимъ, родные замолили утку, постоянно преслѣдовало видѣніе этой утки. Тотъ же авторъ указываетъ на разсказъ о томъ, какъ изъ множества быковъ, принесенныхъ въ жертву около озера, накопилось цѣлое стадо, принадлежавшее этому озеру (сравн. съ приводимымъ ниже описаніемъ жертвоприношенія).

Такимъ образомъ, допустить вѣроятность принесенія крови въ жертву не въ томъ мѣстѣ, гдѣ добыта эта кровь, невозможно. Божество того мѣста, гдѣ кровь добыта, потребуетъ ее себѣ и накажетъ вотяковъ, которые рѣшатся унести ее изъ его святилища; божество, которому нѣсколько деревень соберутся поднести эту кровь, не приметъ жертвы, требуя себѣ душу убитой жертвы и исполненіе

всего, что совершается на всякомъ, даже маловажномъ, жертвоприношеніи.

Принимая это во вниманіе, мы поймемъ, почему ни одинъ изъ изслѣдователей быта вотяковъ ничего не говоритъ объ обычаѣ, существованіе котораго извѣстно г. Львовскому, хотя и на основаніи такихъ слуховъ, на которые онъ „не счелъ бы возможнымъ опереться".

Итакъ, мы видимъ, что попытка объяснить несоотвѣтствіе между фактами, добытыми слѣдствіемъ, и несомнѣнными данными этнографіи вотяковъ, не можетъ быть названа удачною. Вслѣдствіе этого мы, по прежнему, считаемъ возможнымъ объяснять это, равно какъ и всѣ другія несоотвѣтствія, о которыхъ уже достаточно говорилось, неудачной симуляціей вотяцкаго жертвоприношенія. Понятно, что констатированіе ея возможно лишь послѣ разсмотрѣнія дѣла мултанскихъ вотяковъ въ свѣтѣ данныхъ науки этнографіи.

Заканчивая нашу статью, мы позволимъ себѣ указать на то скептическое отношеніе къ научному разсмотрѣнію данныхъ мултанскаго дѣла, которое выказалъ къ экспертизѣ этнографовъ г. обвинитель вотяковъ. Онъ указывалъ на противорѣчія между имѣющимися въ литературѣ свѣдѣніями, на то, что даже самыя названія вотяцкихъ боговъ не всегда установлены, что въ различныхъ мѣстностяхъ

обряды и вѣрованія существеннымъ образомъ отличаются другъ отъ друга.

Но тотъ, кто разсуждаетъ такимъ образомъ упускаетъ изъ вида, что точное установленіе того или иного названія божества, того или иного различія въ обрядѣ является не главною задачею науки. Пользуясь данными и методомъ науки, можно и должно рѣшить, поскольку то или иное явленіе народной жизни соотвѣтствуетъ представленію о правильномъ развитіи этого явленія, какимъ образомъ внѣшнія условія опредѣляютъ уклоненіе отъ правильнаго развитія.

Задача этнографіи въ примѣненіи къ мултанскому дѣлу состоитъ, главнымъ образомъ, въ разсмотрѣніи вопроса о томъ, насколько факты обвиненія совпадаютъ съ закономѣрнымъ развитіемъ религіозныхъ представленій, отъ признанія котораго обязанъ исходить этнографъ.

Всякое отклоненіе отъ этого закономѣрнаго развитія должно быть разсмотрѣно этнографомъ въ связи съ тѣми фактическими данными, которыя добыты обвиненіемъ и защитою, и это разсмотрѣніе дастъ ему возможность отличить жизненное отъ воображаемаго явленія, въ частности, дастъ возможность отличить настоящее жертвоприношеніе отъ его симуляціи.

———

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Протоколъ осмотра шалаша умершаго Моисея Дмитріева. 17-го мая 1892 г.*)

„Молельня находится между дворомъ и огородомъ к-на Моисея Дмитріева и представляетъ четырехъстѣнное, сложенное изъ бревенъ зданіе, крытое тесомъ на два ската. Въ молельню ведетъ одна входная дверь. Оконъ молельня не имѣетъ. Входная дверь приводитъ непосредственно въ помѣщеніе молельни, состоящей изъ одной комнаты, $7^1/_2$ арш. въ длину и столько же въ ширину; полъ молельни земляной, оконъ и потолка нѣтъ, вдоль стѣнъ устроены лавки. Въ переднемъ углу, влѣво отъ входа, виситъ икона Николая Чудотворца; въ томъ же углу передъ лавкой стоитъ обыкновенный крестьянскій столъ; ближе ко входу — другой такой же столъ. Противъ входной двери, ближе къ стѣнѣ, противуположной входу, между двумя продольными балками молельни, виситъ деревянный рычагъ, къ нижнему концу котораго привѣшивается котелъ, подъ которымъ лежитъ зола отъ потухшаго очага. Въ крышѣ молельни противъ очага имѣет-

*) Сравн. съ описаніемъ шалаша у сарапульскихъ вотяковъ.

ся отверстіе для выхода дыма. Земляной полъ молельни, въ особенности ближе ко входу, сырой. По объясненію старосты, сырость земляного пола произошла отъ того, что въ молельню зимою, черезъ крышу, набивается много снѣгу, который потомъ превращается въ ледъ и весной, благодаря отсутствію свѣта, долго держится въ молельнѣ. На предметъ опредѣленія, не смѣшана ли земля въ молельнѣ съ кровью, — съ поверхности земляного пола было взято нѣсколько пробъ земли, которыя сложены въ буракъ, опечатанный печатями слѣдователя и старосты *). Затѣмъ земля во всемъ пространствѣ молельни была взрыта, причемъ вблизи очага, у стѣны, противоположной входу, былъ вырытъ костякъ бычачьей головы и нѣсколько небольшихъ костей изъ туловища животныхъ".

II.

Описаніе вотяцкаго общественнаго моленія **).

Около полудня я, по приглашенію вотяка, у котораго остановился въ деревнѣ Миндеры, отправился съ нимъ на „моленіе", которое происходило въ $1^1/_2$ верстахъ отъ названной деревни, у опушки ближайшаго лѣса. Отправились мы, послѣ того какъ мой спутникъ наполнилъ свой пестерь табанями, шаньгами, хлѣбомъ и кумышкой.

*) По изслѣдованію, крови не оказалось.

**) Описаніе это заимствовано изъ нашей статьи „Очеркъ Сарапульскихъ вотяковъ", напечатанной въ III выпускѣ Сборника матеріаловъ по этнографіи инородцевъ Россіи, изд. подъ ред. проф. В. Ѳ. Миллера.

Съ фот. П. М. Богаевскаго.

Вотячки Сарапульскаго уѣзда Вятской губерніи (дѣвушка, молодушка и старуха).

Дорогою то и дѣло попадались вотяки и вотячки, послѣдния въ своихъ праздничныхъ платьяхъ. Даже маленькія дѣвочки и тѣ принарядились, надѣвъ на себя множество мѣдныхъ кружковъ. Въ рукахъ у всѣхъ были пестери, наполненные приношеніями. Веселый смѣхъ раздавался повсюду, шутки, далеко не пристойныя, не смолкали всю дорогу, однимъ словомъ настроеніе шедшихъ далеко не соотвѣтствовало предстоящему торжеству.

На пути къ „моленію" я узналъ отъ моего спутника, что оно продолжалось ужь пять дней, что за это время успѣли принести въ жертву, или, какъ выражаются вотяки, „замолили" жеребенка, гуся и барана. Сегодня должны были молить овечку.

Когда мы пришли на мѣсто, то странное зрѣлище представилось моимъ глазамъ и, еслибы я ранѣе не зналъ, что здѣсь будутъ молиться, то подумалъ бы, что тутъ скорѣе ярмарка или какая ни будь сельская пирушка. У опушки лѣса, на довольно большой лужайкѣ, раздавался несмолкаемый гулъ. Посреди этой лужайки стояло нѣсколько телѣгъ съ распряженными лошадьми, привязанными тутъ же. Немного дальше собрался народъ. Мужчины играли въ орлянку, дѣти подняли страшную возню. Въ своихъ блестящихъ костюмахъ гуляли вотячки, около которыхъ вертѣлись молодые парни, угощавшие ихъ гостинцами, продававшимися со стоящей въ сторонѣ, при входѣ на лужайку, телѣги.

Только у самаго лѣса замѣтно было приготовленіе къ моленію. Противъ елки изъ сучьевъ былъ устроенъ столъ, покрытый вѣтвями, вокругъ котораго съ трехъ сторонъ сидѣли старики. Нѣсколько въ сторонѣ, позади этого стола, было мѣсто для старухъ, устроенное совершенно такимъ же образомъ, какъ то, гдѣ сидѣли старики. Около самой елки былъ приставленъ небольшой столикъ, на которомъ стоялъ буракъ

съ медомъ и лежалъ коровай хлѣба, около хлѣба была была положена маленькая дощечка съ прилѣпленной къ ней восковой свѣчей и небольшая еловая вѣтка, въ формѣ рогатки, съ затянутымъ клеемъ концомъ. Къ самому дереву было прибито полотенце. Справа отъ елки, прямо на землѣ, лежали приношенія. Всѣ приходящіе выкладывали изъ своихъ пестерей принесенное, отдавая это, такъ называемымъ, кодокамъ, которые раскладывали на землѣ рядами хлѣбъ, шаньги и табани, помѣщая ихъ на подостланныя полотенца, и разставляли бутылки съ кумышкой, которая, какъ мы увидимъ ниже, необходимо должна быть принесена отъ каждаго семейства отдѣльно. Налѣво отъ елки помѣщались котлы: въ нихъ варилось мясо замоленнаго, принесеннаго въ жертву животнаго. Котлы эти находились подъ перекладиной, недалеко отъ нихъ была привязана овца, которую хотѣли въ этотъ день молить.

На главномъ мѣстѣ за столомъ сидѣлъ старикъ; къ нему всѣ относились съ большимъ уваженіемъ и это, какъ мнѣ сказали потомъ, былъ „торе", самое важное лицо при моленіяхъ. На его обязанности лежитъ освященіе жертвеннаго мяса. Затѣмъ, разсказывалъ спутникъ, у насъ служатъ 2 „васяся", что значитъ молящіе, на обязанности которыхъ лежитъ чтеніе молитвъ, 4 „парчася", которые должны, зарѣзавъ жертвенное животное, сварить его мясо, и, наконецъ, для пріема пожертвованій и вообще для прислуживанія при моленіяхъ назначаются 2, а иногда и больше, „кодока". Всѣ эти жрецы выбираются только на одно моленіе *).

Когда жертвенное мясо было сварено, кодоки стали сзывать народъ къ молитвѣ: „васиськомъ, васиськомъ",

---

*) Въ родовыхъ и семейныхъ жертвоприношеніяхъ означенныя обязанности исполняются пожизненными жрецами.

кричали они, что значитъ молиться, молиться. Со всѣхъ сторонъ сталъ собираться народъ. Тöре усѣлся за столъ и его окружили старики, мѣсто, приготовленное для женщинъ, заняли старухи. Впереди всѣхъ, лицомъ къ елкѣ, стали два васяся въ шапкахъ, тогда какъ за ними рядами стояли мужчины съ обнаженными головами, женщины стали позади всѣхъ. Одинъ изъ васясей началъ свою молитву. Въ рукахъ у нихъ было по небольшой чашкѣ, которую одинъ изъ нихъ подставлялъ подъ бутылки съ кумышкою, подносимыя кодоками, а затѣмъ онъ переливалъ налитую кумышку изъ своей чашки въ чашку второго васяся, и послѣдній плескалъ ее въ огонь, читая при этомъ молитву. Такимъ образомъ была сожжена кумышка отъ всѣхъ семействъ данной деревни.

Затѣмъ, одинъ изъ васясей подошелъ къ столу около елки, прочелъ молитву и по окончаніи ея поклонился до земли; тогда парчаси стали вынимать изъ котловъ сваренное мясо, часть котораго положили въ двѣ чашки; одна изъ нихъ была поставлена около елки, а другая вмѣстѣ съ кумышкою была поднесена тöре. Послѣдній благословилъ ее и сталъ ѣсть вмѣстѣ съ кодоками, стоявшими передъ нимъ, и сидѣвшими около него стариками.

Народъ направился къ тому мѣсту, гдѣ лежали приношенія, а парчаси дѣлили все на равныя части и раздавали подходившимъ. Получивъ свою часть, каждый располагался на землѣ и, по большей части, ѣлъ ее вмѣстѣ съ своими домашними, съ женою, дѣтьми, братьями. Женщины въ это время угощали своихъ родныхъ и сосѣдей кумышкой, такъ какъ послѣдняя составляетъ ихъ полную собственность.

По окончаніи ѣды, вновь раздался призывъ кодоковъ и повторилось тоже моленіе, но на этотъ разъ народъ стоялъ на колѣняхъ.

Затѣмъ было приступлено къ принесенію новой жер-

твы — овцы, привязанной недалеко отъ котловъ. Два парчася обмыли ее и отвели въ сторону**), гдѣ помѣщалось корыто, лежавшее около дерева. Подъ этимъ деревомъ прямо на землѣ были положены хлѣбъ, соль и кумышка. Овцу, связанную, помѣстили головой надъ корытомъ и, перерѣзавъ ей горло, выпустили въ него кровь. Замѣчательно, что при этомъ весь народъ, тӧре, васяси и кодоки не присутствовали, а, частью, продолжали свое пиршество, частью, забавлялись всевозможными играми. Рѣзалъ овцу старшій изъ парчасей. „Хорошо бы теперь гусляра, сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ, тогда бы и народъ стоялъ здѣсь".

Когда овца была зарѣзана, парчаси повѣсили ее на дерево, чтобы снять шкуру и вынуть внутренности, изъ которыхъ приготовляется особое кушанье. Лежавшіе около дерева хлѣбъ, соль и кумышка были окроплены жертвенною кровью. Затѣмъ одинъ изъ парчасей сталъ обжигать голову овцы около разложеннаго тутъ же костра, которую вмѣстѣ съ остальными костями зарыли впослѣдствіи въ землю. Жертвенная кровь варится вмѣстѣ съ внутренностями.

По окончаніи этой церемоніи народъ вновь созвали на молитву, которая ничѣмъ не отличалась отъ второй, только въ заключеніе жрецъ бросилъ въ огонь хлѣбъ, соль и вылилъ кумышку, лежавшіе около дерева, а также бросилъ въ огонь вѣтку, обтянутую клеемъ, о которой упоминалось выше. Сжигаютъ ее, говорилъ мнѣ потомъ жрецъ, для того, чтобы душа жертвеннаго животнаго взошла на небо также, какъ возносится дымъ отъ сожженной вѣтки. Затѣмъ мясо вновь принесенной жертвы было положено въ котлы, чтобы на слѣдующій день быть свареннымъ и, по совершеніи описанной церемоніи, съѣденнымъ.

Въ это время въ сторонѣ раздалась музыка и народъ хлы-

**) Шаговъ на двадцать отъ костра.

нулъ туда. Немедленно составился хороводъ, пляски, которыя, впрочемъ, продолжались недолго, такъ какъ наступилъ уже вечеръ, и всѣ торопились по домамъ.

III.

Молитва при моленіяхъ въ одномъ изъ родовыхъ шалашей.

„Благословенный, великій Боже, всевышній Свѣтъ и Бѣлизна, неприкосновеннымъ хлѣбомъ и неприкосновенными яствами мы тебя чтимъ и поминаемъ!

Злымъ врагамъ, говорящимъ: „изъѣмъ, изопью, растерзаю васъ“, не покидай. Дѣтей нашихъ храни и не покидай. Съ хорошими людьми пусть они ѣдятъ и пьютъ, благослови ихъ на то самъ. Съ той стороны рѣкъ на эту сторону, да и съ этой стороны на ту сторону, да не переходятъ о нихъ худыя вѣсти о славѣ ихъ, да не переходятъ. Да будутъ славны они во всѣхъ странахъ и славу ихъ да знаютъ всѣ люди. Отъ колдуновъ, отъ злыхъ враговъ, отъ безславія отстрани ихъ, Боже. Отъ страшныхъ цѣпей, болѣзней и уродства да будутъ они свободны. Ѣдучи на базаръ, кошель ихъ пусть звенитъ и брячитъ, ѣдучи съ базара, да будутъ кошельки ихъ полнымъ полны. Подать и сборы въ свое время да находятъ. Злой человѣкъ, злой врагъ да кругомъ обойдетъ ихъ, славные и добрые люди да любятъ ихъ и введутъ въ свой домъ. Злоязычности, лишнесловности самъ избавь ихъ, Боже. И да будутъ они во славу передъ славными, да будутъ извѣстны народу и всѣмъ славнымъ на землѣ. Пусть ѣдятъ, пьютъ, веселятся, пусть будутъ всегда только радоваться и неприкосновенны горю и печали. Все сіе зависитъ отъ тебя, великій Богъ нашъ, потому и умоляемъ тебя благословенный, великій, милый Боже, благослови ихъ!

Дай намъ всего для нашего удовольствія, дай намъ столько, чтобы мы имѣли возможность знаться съ достойными людьми, чтобы ѣли и пили съ ними. Золотообразныя колосья съ сребровиднымъ зерномъ и камышеобразной соломой да уродятся на нашей нивѣ. Одинъ корень да удвояется въ два раза большее количество стебельковъ, снопъ къ снопу да воздвигается на нашей полосѣ, кладь къ клади да воздвигается на нашемъ гумнѣ; клади наши, расходясь и распространяясь въ основаніи, да взгромоздятся въ вышину. Съ гуменъ нашихъ да не перевозится, въ закромахъ нашихъ да будетъ полно. Вѣтры сильные, бури страшныя да минуютъ наши нивы, благодаря тебя великій, милый Боже. Грады и безведріе да не коснутся къ нимъ. Со старымъ хлѣбомъ, съ зернами вдоволь, всѣмъ нужнымъ для жизни и удовольствія снабди насъ, Боже. Гдѣ нѣтъ, да будетъ тутъ все, что намъ угодно окажется, гдѣ тонко, пусть тутъ будетъ толсто. Тебя просимъ, просимъ и умоляемъ тебя, великій Боже, дай намъ возможность пользоваться хорошимъ и многочисленнымъ скотомъ. Да будутъ лошади наши всѣмъ на диво, коровы наши всѣмъ на зависть. Отъ овраговъ и болотъ самъ ихъ храни, великій Боже, да не прикоснутся къ моей скотинѣ дикіе звѣри и злыя козни моихъ враговъ и ненавистниковъ!

Такъ просимъ и умоляемъ тебя, великій нашъ Боже, припадая на колѣна съ полными и неприкосновенными хлѣбомъ и яствами. Великій, милый Боже, всевышній свѣтъ, небесную воду дающій и дождемъ землю оплодотворяющій, не сердись на насъ и не гнѣвайся: мы, какъ маленькія дѣти, ничего не знаемъ, ничего не понимаемъ. Да будетъ тебѣ угодно все то по твоей волѣ"!

